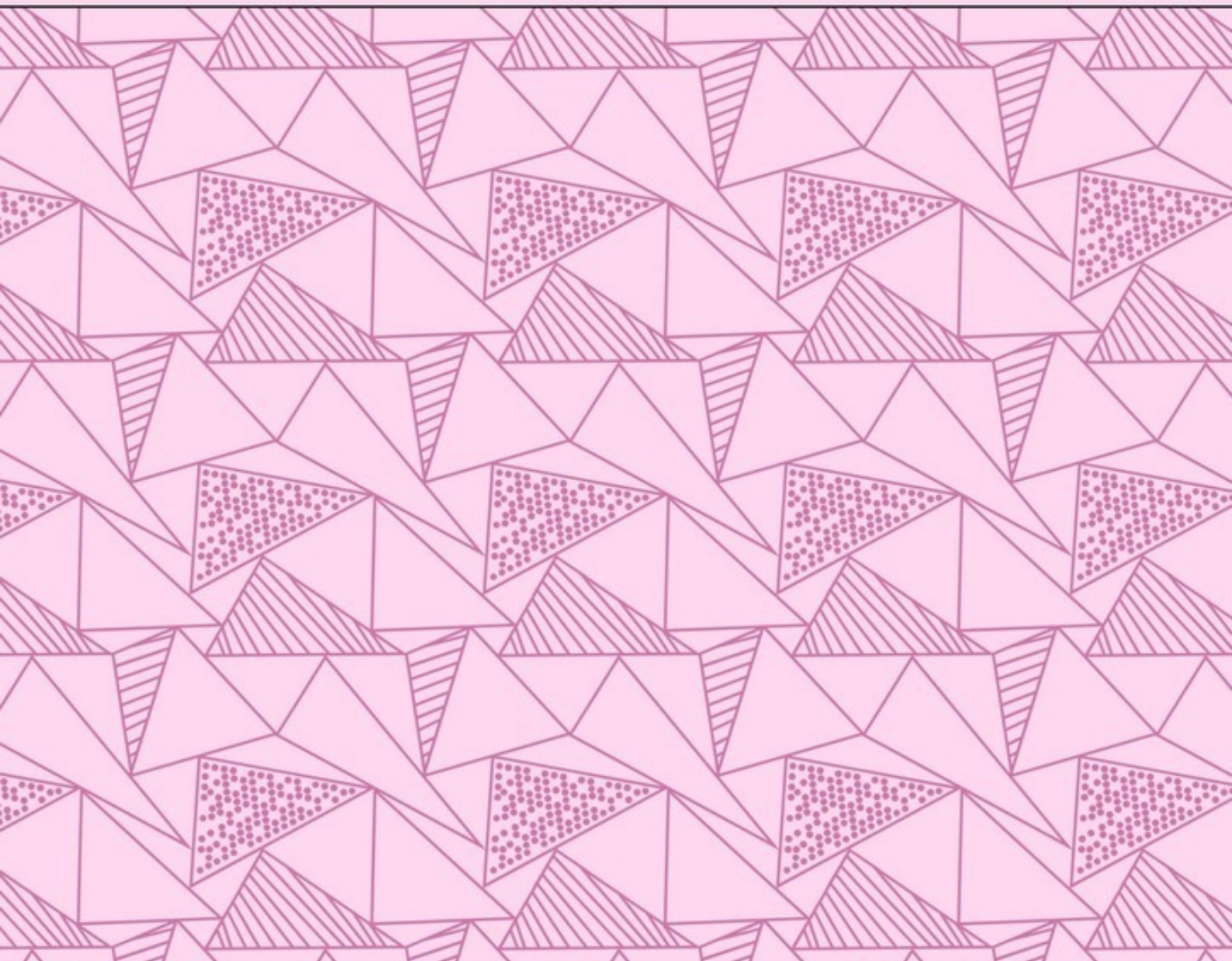

Екатерина Риз

*Всё, что
нужно ей*

Екатерина Риз

Всё, что нужно ей

«Издательские решения»

Риз Е.

Всё, что нужно ей / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836596-6

Только попав в беду, понимаешь, что вчерашний день и был счастьем. Настя была уверена, что её браку и спокойствию ничто не угрожает, и подумать не могла, что окажется посреди леса, в домике на болоте, наедине с человеком, которому всё равно, выберется она оттуда живой или нет. Но кто этот человек? Настя уверена, что муж постарается выяснить это и спасёт её, а ей пока не остаётся ничего другого, как договариваться со своим сторожем, который совершенно не собирается облегчать её участь.

ISBN 978-5-44-836596-6

© Риз Е.

© Издательские решения

Всё, что нужно ей

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4483-6596-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы столкнулись на лестничной площадке. Он выходил из квартиры матери, а я не успела открыть свою дверь. Замерла с ключами в руках, глядя на него во все глаза, потом улыбнулась, совершенно глупо и по-дурачки.

– Привет, соседка, – сказал он.

– Здравствуй, – негромко отозвалась я. Вспомнила о том, что собиралась отпереть дверь и не с первого раза, но сумела вставить ключ в замочную скважину.

– Как жизнь молодая?

– Всё хорошо, спасибо.

– Мать говорила, ты институт закончила. Работу нашла?

Ключ легко повернулся, оставалось только толкнуть дверь и войти в квартиру. Но я медлила. Повернулась, незаметно для собеседника вцепившись в дверную ручку. Набралась смелости и посмотрела ему в лицо, старалась скрыть волнение, хотя сердце в груди пустилось вскачь.

– Нашла. В нашей школе.

– В школе? – Он озадачено нахмурился. – Так ты учительницей будешь, что ли?

– Уже стала. Учительница русского языка и литературы.

На его губах появилась усмешка, но вполне добродушная.

– Кто бы мог подумать. Стася превратилась в учительницу.

Я не знала, что сказать, во рту всё пересохло. Тарасился на него, совершенно неприлично, он улыбнулся, а я покраснела от его слов. Это даже похвалой не было, а уж тем более комплиментом, а я всё равно покраснела. Хотелось ногой топнуть, от досады на себя.

– Серёж, ты ещё не ушёл? – Тётя Валя выглянула из квартиры, увидела сына и меня, и разулыбалась. – Ну вот, хоть посмотришь на нашу Стасю, красавицей какой выросла.

Я окончательно засмушалась, на соседку, с которой общалась довольно тесно, посмотрела с лёгким укором, а Сергей рассмеялся, наблюдая за мной. У него был самый приятный смех, который я когда-либо слышала.

– На улице бы встретил, не узнал, мам. На самом деле... красавица. И совсем взрослая.

Вот тут я не выдержала и попросила:

– Прекратите, – и рассмеялась вместе с ними.

Тётя Валя сына по плечу погладила, я видела, как она смотрит на него, с обожанием, и я, тихо попрощавшись, шмыгнула в свою квартиру, плотно прикрыла за собой дверь. И привалилась к ней спиной, не в силах выдохнуть. Слышала приглушённые голоса в подъезде, приятный мужской баритон, снова смех, а потом шаги и всё стихло. А я, наконец, смогла посмеяться над собой. Веду себя, как влюблённая дурочка.

Я на самом деле была влюблена в Сергея, но очень давно, в юности. Мы с родителями переехали в эту квартиру лет пятнадцать назад, я ещё ребёнком была. А Сергей уже тогда с матерью не жил. Я помнила его молодым двадцатилетним парнем, только что вернувшимся из армии. У матери он появлялся не часто, но когда приезжал, тётя Валя выглядела счастливой и успокоившейся. Во дворе поговаривали, что Сергей связался с плохой компанией, и стал едва ли не бандитом. Времена тогда были беспокойные, и, в сущности, подобное никого не удивляло. Тётя Валя, которая быстро подружилась с моей мамой и стала частым

гостем в нашем доме, переживала и делилась своими горестными мыслями с новой подружкой. Я помню, как они подолгу обсуждали будущее Сергея, сидя на нашей кухне. Пили чай, мама тётя Валю успокаивала, говорила, что Серёжка у неё не дурной и голова у него на месте, и в откровенно плохую историю он не полезет. Меня, десятилетнюю девчонку, наслушавшуюся от мальчишек во дворе баек и страшилок про бандитов, безумно интриговали их рассуждения, и к Сергею, который иногда появлялся у матери, я приглядывалась с любопытством. А когда подросла, то и влюбилась в него. Он вряд ли меня замечал, только бросал «привет» да подмигивал, проходя мимо, а у меня всё внутри замирало, а ещё я гордилась тем, что он знает и помнит меня. К счастью, опасения тёти Вали не оправдались, и ни в какую скверную историю Сергей не попал, и благополучно избежал тюрьмы, хотя многим его товарищам по тем временам повезло меньше. Он, наверное, вынес урок и с шальными деньгами завязал, что не помешало ему прочно встать на ноги, организовать собственный бизнес. Я не знала, чем он занимается, но с каждым годом он выглядел всё солиднее, а машины, которые подъезжали к нашему дому, становились всё дороже. Правда, тётя Валя иногда жалуется, что в личной жизни её Серёже никак не везёт, скоро тридцать пять, а он всё как неприкаянный. Это она так говорила. Хотя, я бы Сергея неприкайным не назвала, он даже женат был, мне это отлично известно. Я даже жену его однажды видела, они вместе приезжали к его матери, вскоре после свадьбы. Правда, случилось это всего раз. Умопомрачительно красивая брюнетка, она вышла из машины с видом королевы, обвела презрительным взглядом старушек на лавочке, гордо вскинула голову и проплыла мимо меня в подъезд. Я даже рот открыла, не понимая, где в реальной жизни можно встретить подобную красавицу. И мысленно с Сергеем согласилась, не обращая внимания на горечь в душе: такую женщину упустить грех. Он шёл рядом с ней, дверь перед ней открыл, рука сама собой легла на её спину, и выглядел он спокойным и несколько не впечатлённым красотой жены. Даже меня соизволил заметить, по привычке подмигнул и улыбнулся. А я, семнадцатилетняя девчонка, залилась румянцем, и чуть в обморок не рухнула, когда красавица наградила меня оценивающим взглядом. Правда, я её не слишком заинтересовала, она безразлично отвернулась, и я уверена, что через секунду забыла о моём существовании.

В семнадцать лет у меня был пик влюблённости в Сергея. За год я встретила с ним трижды, но впечатлений мне хватало на несколько месяцев вперёд. Ночами я грезилась о нём, воскрешала в памяти его лицо, и с жадностью прислушивалась к тому, что тётя Валя рассказывала о сыне моей маме. Я совершенно не мучилась и не страдала по поводу того, что у него есть жена. С какой стати? Сергей был воплощённой мечтой любой женщины, я искренне считала, что мы существуем в разных мирах: он, как полубог, а я где-то там, внизу, среди обычных и ничем не примечательных людишек. И невольно сравнивала всех знакомых мальчишек с ним. Но кто мог выдержать это сравнение? Неоперившиеся юнцы и взрослый серьёзный мужчина, успешный и знающий себе цену. Я вела дневник, где записывала все свои мысли о нём и рисовала сердечки на полях, по памяти нарисовала его портрет (я всегда неплохо рисовала), а когда взгрустнется, то и плакала над ним, глядя на гордый профиль, тяжёлый подбородок и четко очерченные скулы своего героя. Он, на самом деле, привлекательный мужчина. Рост, фигура, взгляд в упор, а некоторая вальяжность в движениях лишь придавала ему шарма. Никогда не торопился, но чувствовалось, что в любую минуту наброситься может, и вряд ли кому удастся уйти от него целым и невредимым. Всё-таки наполненная опасностями молодость давала о себе знать.

Повзрослев, я, конечно, стала куда спокойнее реагировать на соседа. Даже смеялась над своей детской влюблённостью, и дневник, исписанный его именем, давно выбросила. Мы встречались редко, а когда такое всё же случалось, обходились коротким приветствием и вежливой улыбкой. Сергей был занятым человеком, ему некогда было уделять внимание соседским девчонкам, даже если они и успели подрасти, и даже научились поддерживать беседу. Он приезжал к матери примерно раз в месяц, но надолго никогда не задерживался. Час макси-

мум – и торопился по делам. Но кто мог его обвинить? Большие деньги требуют постоянного контроля, а в нашем городе уже не было человека, который бы не знал его фамилию, один из самых видных бизнесменов области. Можно было у любой старушки во дворе спросить, и она с удовольствием поведаёт всё, что знает о его личной жизни. У нас всё-таки не Москва. Все знают, что год назад он развелся, что водит дружбу с сыном губернатора и что спонсировал восстановление церкви в центре нашего города. Злопыхатели утверждали, что грехи буйной молодости замаливает. Но про кого такого не говорят, стоит человека в церкви увидеть? Поэтому я не прислушивалась.

Сегодня впервые за несколько лет, он по-настоящему обратил на меня внимание. И вроде даже интерес проявил, приглядывался с любопытством, и, кажется, был удивлён, что я на самом деле повзрослела. И изменилась. Всё-таки не пятнадцать лет, слава Богу, уже двадцать четыре.

Уже два года я жила одна. Папа умер семь лет назад, мне до сих пор больно об этом вспоминать, но в то же время, я не могла осуждать маму, которая два года назад решила выйти замуж. Траур по отцу давно прошёл, и она не один год жила воспоминаниями о нём и поддерживала меня. Мы вместе пережили трудные времена, и поэтому когда она познакомилась с Владимиром Ивановичем, я постаралась её понять. К тому же, мой отчим на самом деле был порядочным и положительным человеком, и я хорошо к нему относилась, с большим уважением. Но в городе они прожили недолго, решили перебраться в деревню, Владимиру Ивановичу достался в наследство домик (хотя, что это я? вполне добротный дом). И вот уже два года я езжу к ним в гости, и каждый раз удивляюсь, как моя мама, до мозга костей городской человек, умудряется управляться с большим хозяйством. Но самое главное, что она вполне довольна своей жизнью, и в город её не тянет. Вот что значит счастье. Рядом с любимым мужчиной полюбишь даже то, что до этого никогда не понимала. Я, признаться, завидовала, как дочь может завидовать семейному счастью и покою своей матери. Я тоже хотела семью, любимого мужа и детей, конечно. Даже попытку предприняла, но ничего хорошего не вышло, и со своей первой настоящей любовью я рассталась, без особого сожаления и страданий. А когда приходило в голову себя пожалеть или помечтать о женском счастье, неизменно задумывалась о Сергее, но спешила над своими мечтами посмеяться, не позволяя себе увлекаться.

Вечером тётя Валя ко мне зашла, принесла коробку конфет, что сын ей привёз, и мы сели пить чай. Я слушала её рассказы о сыне, с готовностью кивала и поддакивала, когда требовалось, а в душе печалилась, что Сергею «с женщинами не везёт». Тёте Вале хотелось внуков, а сын утверждал, что не нашёл достойной спутницы жизни.

– Ты представляешь, Стася? Достойной он не нашёл!

– Так может это хорошо? В том смысле, что он ищет хорошую женщину.

– Да это конечно. Ирина-то его была ещё той штучкой. Я знала, что у них ничего не выйдет. Найти хорошую жену и взять в жёны принцессу – вещи разные.

Я кивала и соглашалась. Что ещё я могла сказать? А после ухода соседки съела ещё две конфеты, разглядывая красивую коробку. Коробку, которую Сергей выбрал, купил и принёс в дом матери.

Представьте моё удивление, когда я встретила Сергея уже на следующий день. Шла с рынка, думала о своём, и по сторонам не смотрела. Поэтому и не заметила машину, что уже некоторое время неспешно двигалась за мной. Мои мысли были заняты работой, всё-таки впереди первый год моей педагогической практики, и мне казалось очень важным, какой класс мне достанется, и как я с ними общаться буду, смогу ли найти общий язык. Слышала короткий автомобильный сигнал, но внимания совершенно не обратила. Руку оттягивала сумка с продуктами, я время от времени переключала её в другую руку, и, не торопясь, шла по улице, не обращая внимания на происходящее вокруг. И остановилась только когда услышала, что меня окликнули.

– Стася!

Я повернулась и в некоторой прострации уставилась на Сергея. Он остановил машину, вышел и теперь улыбался, глядя на меня.

– О чём задумалась? Никак дозваться не могу.

Я рот открыла, не зная, что ответить. Разглядывала его, не понимая, откуда он взялся на узкой улочке по соседству с рынком. Что ему, вообще, здесь делать? Я не могла поверить, что Сергей Ельский посещает колхозный рынок. Не зная, что ему сказать, я просто пожала плечами.

– Я задумалась.

Он машину обошёл, остановился рядом со мной, руки в карманы брюк сунул и заинтересованно вздёрнул брови.

– О чём?

– О работе.

Он вглядывался в моё лицо, потом взгляд опустил ниже, прошёлся по моему телу, но уже через секунду вернулся к моему лицу. Сказать, что я была смущена, значит, не сказать ничего. Стояла перед ним, переминаясь с ноги на ногу, держала сумку двумя руками, и про себя молилась только о том, чтобы Сергей не вздумал сейчас рассмеяться, будто мне по-прежнему тринадцать лет. Но, кажется, он был далёк от этого. И странно серьёзен. Смотрел на меня, и будто решал какую-то серьёзную проблему. Он молчал, и я молчала. И поневоле тоже его разглядывала, понимая, что моя первая мысль была верной – ему совершенно нечего здесь делать. Даже дорогой массивный джип смотрелся несуразно на узкой, разбитой улочке, по которой я обычно возвращалась домой с рынка, чтобы срезать угол. Да и сам Сергей, в костюме и белоснежной рубашке, выглядел заплутавшим принцем. Ворот рубашки дерзко расстёгнут, ткань на широкой груди натянулась, когда он руки в карманы брюк сунул, и мой взгляд неизменно возвращался именно к его груди, не знаю почему.

Наконец на его лице появилась добродушная улыбка.

– Ах да, твоя работа. Русская литература, высокая проза... – Потом сделал шаг и протянул руку. – Давай сумку. Ты чего сама тяжести таскаешь?

– А кто, если не я? – не на шутку удивилась я. Сумку отдала, пальцы сами разжались, как только его прикосновение почувствовала. Хорошо он успел сумку перехватить, а то бы она всем весом мне на ноги шлепнулась. Я злилась на себя за то, что так нервничаю и волнуюсь в его присутствии, а ещё ломала голову, как мы могли встретиться на улице? Глупо, случайно... Я даже не мечтала об этом никогда.

Сергей, кажется, развеселился от моего нелепого ответа. Открыл заднюю дверь автомобиля, и поставил сумку на пол. А потом распахнул переднюю дверь и взглянул на меня выжидающе.

Я, признаться, растерялась. Вот так просто взять и сесть к нему в машину? Да что же это происходит сегодня?

В машину я села, и украдкой на Сергея поглядывала. Он автомобиль обошёл, я отметила про себя, сколько уверенности и твёрдости в каждом его движении. А у меня в голове полная сумятица, щёки горят, ладони влажные, я осторожно вытерла их о джинсы, и поторопилась улыбнуться, когда Сергей устроился на водительском сидении. Но и не подумал за руль взяться, повернулся и на меня посмотрел. Снова разглядывал, а я нервничала, не понимая, с чего вдруг такое внимание.

– Расскажи мне про работу.

– А что про неё рассказывать? Я в нашу школу вернусь. Вы тоже там учились, да?

– Там. Кроме уроков физкультуры ничего хорошего не вспоминается, – рассмеялся он. – Михалыч меня драться учил. Это наш физрук был, бывший боксер...

Я кивнула.

– Евгений Михалыч и сейчас работает.

Сергей не на шутку удивился.

– Серьёзно, что ли? Ничего себе. Я думал, он помер давно.

Я укоризненно взглянула, а Сергей добродушно рассмеялся и руки поднял, вроде бы сдаваясь.

– Глупость сказал. Пусть живёт, я только рад. Неплохой мужик, правильный. – Он положил одну руку на руль, и я задержала на ней свой взгляд: на белоснежном манжете рубашки, на сверкающем циферблате часов, на широкой ладони, на костяшках его пальцев. Ладонь на самом деле была широкая, и у меня отчего-то под ложечкой засосало. Никогда даже подумать не могла, что окажусь с Сергеем настолько близко. Чувствовала незнакомый, немного резкий запах его одеколона, млела под его взглядом, и не понимала, что происходит. Сон или явь?

– Отвезу тебя домой, – сказал он после паузы.

Когда я выходила из его машины у своего подъезда, чувствовала себя настоящей Золушкой. Мне казалось, что изо всех окон за нами наблюдают. А я улыбаюсь, как дура, и никак не могу справиться с эмоциями. Сергей что-то говорит, и мне каждое его слово кажется правильным и нужным. Он донёс сумку до моей квартиры, я трясущимися руками отпирала замок, в панике прикидывая, порядок ли у меня в доме? А он порог переступил, даже не подумал окинуть взглядом прихожую, только на меня смотрел, и улыбался так, словно знал, что я чувствую и о чём думаю. Сумку на пол поставил, рукой в дверной косяк уперся, а мне сказал:

– Я заеду в семь.

Поженились мы через полгода, на радость нашим матерям. Тётя Валя ходила счастливая, называла меня дочкой, а у меня от счастья кружилась голова. После стольких лет мечтаний, выяснилось, что Серёжка и, правда, самый лучший на свете. Полгода прошли, как во сне, и когда он сделал мне предложение, я даже не удивилась. Это казалось естественным продолжением наших отношений. В ответ на его вопрос, что он произнёс с лёгкой насмешкой, видно, не сомневаясь в моём положительном ответе, я кивнула, и уже через полминуты получила кольцо с бриллиантом на палец. Но разве я думала о том, что это бриллиант? Плевать мне на это было. Я смотрела на Серёжку и думала, что мне не могло так повезти в жизни. Заполучить в мужа такого мужчину, самого любимого мужчину, самого лучшего...

Свадьба была шумная, на весь город отгремела – с лимузинами, именитыми гостями и цыганами. Серёжка держал меня за руку, и улыбался вполне счастливо. Я наблюдала за ним, и таяла от понимания того, что он меня любит. Смотрел на меня, и в глазах столько довольства и гордости. А я только смеялась, когда он говорил, что его жена самая красивая женщина в этом городе.

– К чёрту город, – заявил он под конец дня. – Самая красивая женщина на свете! И самая любимая. – Подбородок мне поднял, чтобы в глаза заглянуть. – И моя, – закончил он тише и убежденнее.

Я приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловать его.

– А ты мой. Мой?

– Ты ещё сомневаешься?

Конечно, семейная жизнь оказалась сложнее, чем я себе представляла. Сергей был человеком непростого характера, твердый, в некоторых моментах, которые, слава богу, ко мне отношения не имели, даже жесткий, решения принимал без малейших колебаний и к цели своей шёл, не позволяя никому усомниться, в том, что он своего непременно добьётся. Этими качествами я в муже восхищалась, и если иногда приходилось уступать ему в чём-то, особо не расстраивалась, свято веря в то, что Серёжа лучше знает, как лучше. Правда, про работу мне пришлось забыть: во-первых, не хотелось отвлекаться от любимого мужа в первый год семейной жизни, а во-вторых, это бы выглядело странно: жена Сергея Ельского работает учительницей в обычной школе. Серёжка, надо заметить, предложил поговорить со знакомыми и устроить

меня на работу в платную гимназию, но меня это как-то не воодушевило, а когда он задумал сам открыть гимназию и сделать меня там директором, я только рассмеялась.

– Какой из меня директор, ты что?

– Ты ведь ещё не пробовала.

Я провела ладонью по его волосам, обняла за шею и поцеловала в щёку.

– Ты обо мне слишком хорошо думаешь. За это я тебя и люблю.

– Только за это? – вроде бы удивился он.

– Нет, не только, – успокоила я. – За многое, многое...

Иногда, встречаясь с подругами, бывшими одноклассницами и однокурсницами, я выслушивала печальные истории об их семейной жизни, сидела тихонько в сторонке, и, если честно, не знала, что сказать и что посоветовать. Не рассказывать же им, что у меня муж замечательный? Не идеальный, конечно, идеальных людей вообще не существует, но я его люблю, и если есть в нём какие-то недостатки, то я вполне могу с ними смириться. Также, как и он с моими. Могу уступить в нужный момент, и простить, и пожалеть, когда понимаю, что он сорвался на меня не от злости, а просто устал или на работе что-то не ладится. К тому же, Серёжка быстро остывал и просил прощения, вполне искренне. У нас не случалось серьёзных ссор и скандалов. И даже сейчас, перед второй годовщиной нашей свадьбы, я не могла вспомнить ни одной серьёзной обиды на мужа.

Вскоре после свадьбы мы с Серёжей переехали из его городской квартиры в дом за городом. Он купил его несколько поспешно, вдруг решил, что нам необходимо больше комфорта и пространства, и мы, посоветовавшись, решили не тратить время на строительство собственной «мечты», и купили дом в одном из посёлков закрытого типа. В принципе, я домом была довольна, лишь вначале растерялась от масштабности покупки. Коттедж в два этажа, с пятью спальнями, подземным гаражом и собственным небольшим парком на участке в пол гектара. Наш дом был крайним на улице, и если выйти с территории через калитку в сад, то по тропинке можно было спуститься к озеру. Посёлок охраняемый, чужих встретить практически невозможно, поэтому я не боялась гулять одна, наслаждаясь природой и одиночеством. В порыве вдохновения даже живописью увлеклась, правда, надолго меня не хватило, и немного погуляв по окрестностям с мольбертом на плече, забросила его в кладовку, толку от моих художеств всё равно не было, я больше сидела и смотрела на воду, чем рисовала. Но одну картину всё же закончила, облачила её в скромную рамку и повесила в нашей с Серёжей спальне, правда, не на видном месте, а в углу. Когда хотелось погордиться собой, смотрела на неё, немного досадуя на себя из-за того, что в юности бросила художественную школу. Вдруг бы из меня толк вышел? Серёжка, например, считал, что я безумно талантлива, и предлагал картину перевесить в гостиную, над камином. Но я скромничала.

Надо признать, что муж меня баловал. Моя жизнь после замужества сильно изменилась. Из бывшей студентки, привыкшей к довольно скромному существованию, раз приходилось во время учёбы подрабатывать, чтобы иметь возможность купить себе что-то помимо продуктов, я как-то неожиданно для самой себя превратилась в жену преуспевающего бизнесмена, хотя никогда о хорошей партии особо и не мечтала. То есть, я о деньгах и благосостоянии не мечтала. Как романтическая барышня двадцати с небольшим лет, грезилась о любви и страсти, а тут получила всё вкуче. Далеко не всем так везёт. Но в большей степени я оказалась не готова к тому, что получив многое, я должна была научиться ещё большему. Серёжа, при всех своих положительных качествах, человеком был чуточку тщеславным, хотел иметь всё лучшее, и не просто обладать лучшим, а демонстрировать это окружающим. Меня он называл своей самой большой удачей в жизни, и в первые месяцы брака мне пришлось потрудиться, чтобы достигнуть совершенства, в желании увидеть в глазах мужа неподдельное восхищение. Денег он на меня не жалел, а мне пришлось учиться их тратить. Подруги мне завидовали, я скромно улыбалась и отмахивалась от их намёков, не желая обсуждать своего мужа с этой

позиции, Серёжу я видела без налёта обеспеченности, пыталась объяснить это окружающим, но меня будто не слышали. Я злилась, расстраивалась, и в итоге, подруг растеряла. Тех с кем училась, с кем выросла, они как-то незаметно ушли из моей жизни. Муж меня успокаивал, говорил, что это нормально, его друзья юности тоже потерялись на жизненном пути.

– Это называется взросление, милая, – говорил он мне и улыбался. – Появятся другие друзья, вот увидишь.

Он оказался, прав. Со временем появились подруги, жёны и девушки его партнёров по бизнесу. Мы иногда встречались в кафе, вместе ходили по магазинам, оказывались в одной компании, но особая близость возникала редко, это было скорее исключение из правил, правда, об этом я Серёже не рассказывала, не жаловалась, решив, что, во-первых, он вряд ли обрадуется моим стенаниям, а во-вторых, скорее всего не поймёт моей печали. Как и многие мужчины, он считал, что женская дружба – это совместный поход по магазинам и сплетни о знакомых. Для всего остального у женщины муж есть. Поэтому и расстраиваться не стоит.

– Я твой лучший друг, – смеясь, говорил Серёжка. Когда он улыбался, открыто и проникновенно, я не могла сдержать ответной улыбки, и на душе сразу становилось теплее.

Вторую годовщину свадьбы мы отпраздновали вдвоём, в Париже, решив, что шумный праздник может и подождать. Вернулись после недели французских каникул, я просто порхала по дому, а Серёжка смеялся надо мной. А на следующий день после возвращения подарил мне ключи от новой машины. Вишневого цвета кабриолет стоял во дворе, и я только рот открыла, глядя на машину.

– Боже, Серёж.

– Разве ты не этого хотела?

Я головой покачала, потом рассмеялась. А он меня обнял, поцеловал в щёку, а я заметила, что ребята из охраны деликатно отвели глаза, притворяясь, что все заняты и до нас им дела нет. Я вокруг автомобиля ходила, признаться, пребывая в лёгком шоке, такого подарка я от мужа не ждала и даже не намекала, но, как говорится, дарёному коню не смотрят, ни в зубы, ни под капот. Провела рукой по полированному боку, а муж уже торопил:

– Садись, садись. Хочу на тебя посмотреть.

Я спорить не стала, на водительское место села, даже поёрзала, пытаясь ощутить степень комфорта. Она была очень, я бы сказала, выдающаяся, и вот тут на сердце потеплело, и я уже уверенно положила руки на руль. Серёжка наклонился, облокотившись на дверь машина, глядел на меня сияющими глазами.

– Ну как тебе?

– У меня даже слов нет.

– Ни у кого не будет. Самая красивая женщина города на самой крутой тачке.

Я поневоле подрастеряла радость от подарка, правда, всего на пару секунд.

– Сколько ты за машину заплатил?

Серёжка дотронулся до моей щеки.

– Какая разница? Это мой подарок тебе.

Водила я, кстати, весьма неплохо. Даже учиться особо не пришлось, села и поехала. Не боялась, не сомневалась, иногда даже мужа своим хладнокровием на дороге удивляла. Когда я была за рулём, а он на пассажирском месте, он неизменно присматривался ко мне, и, видя, как я лихо обхожу другие автомобили, лишь ухмылялся. Даже сказал как-то, что мне надо привнести немного «дорожной» уверенности в другие сферы моей жизни.

В городе я появилась на следующий день, млея от мощи двигателя под капотом новенького автомобиля, от ветра в волосах, держала руль, а останавливаясь на светофорах, поглядывала по сторонам, замечая чужие взгляды, обращённые ко мне и моему автомобилю. Посмотрела в зеркало заднего вида, увидела джип охраны, и, как только загорелся зелёный свет, повернула к ресторану «Антония», где мы собирались отмечать годовщину свадьбы. Торже-

ство было назначено на эту пятницу, времени оставалось совсем немного, а вот проблем только прибавлялось, с каждым часом. Так, по крайней мере, мне казалось. Организатор торжества, по виду толковая женщина лет сорока, без конца мне звонила и спрашивала моего мнения по каждой мелочи. Это несколько раздражало. Поэтому я и решила сегодня лично посетить банкетный зал, осмотреться и выдать ещё ряд указаний, надеясь, что после сегодняшней нашей встречи, Елена Кирилловна оставит меня в покое, хотя бы на сутки. Прежде чем я успела вынуть из замка зажигания ключи, дверь уже открылась и мне подали руку, чтобы помочь выйти. Я послушно сделала всё, что от меня требовалось, даже улыбнулась охраннику, правда, мысленно, в который раз за последние несколько месяцев, подивилась, для чего Серёже понадобился весь этот цирк с охраной. Раньше я совершенно спокойно передвигалась по городу одна, а потом он вдруг обеспокоился моей безопасностью. Это он так говорил. Но я подозревала, что это очередной штрих в образ благосостояния нашей семьи, Серёжка любит такие штуки. Поначалу я напрягалась из-за постоянного присутствия за спиной охраны, но немного поспорив с мужем на эту тему, поняла, что исправить ничего не смогу, легче смириться и надеяться, что вскоре ему надоест эта затея, и он избавит меня от «компании». А чтобы чувствовать себя свободнее, посоветовала себе не думать о том, что за каждым моим шагом наблюдают, вероятно, готовые в любую минуту прикрыть меня грудью. Прикрывать меня ни от кого не приходилось, а вот пакеты с покупками ребята носили исправно, и это помогло мне смириться. Зачастую я отказывалась от водителя, ехала в город на своей машине, а они за мной следом. Кино, да и только. Порой чувствовала неловкость, когда люди удивленно косились на меня, а я шла, сопровождаемая маленькой армией. Я каждому из этих ребят едва макушкой до плеча доставала, и каждый раз, когда смятение на меня накатывало, я принималась гадать, от чего и от кого они меня защищают. Город наш хоть и областной центр, но даже не миллионник, и, признаться, я ни об одном громком преступлении в последние пять лет не слышала. Неужели Серёжка на самом деле опасается, что меня похитят посреди белого дня? Кто, интересно, осмелится?

– Анастасия Николаевна. – Мне навстречу вышел управляющий рестораном, и радушно заулыбался. Я улыбнулась в ответ, и руку ему первой протянула. – Ждём вас, ждём. Зал уже украсили, только цветы осталось привезти, но это в пятницу. Думаю, вечер получится замечательным.

– Очень надеюсь.

– Мы со своей стороны, сделаем всё необходимое.

– Спасибо.

Мы вошли в банкетный зал, я остановилась на пороге, оглядывая интерьер, затем обернулась на охранника.

– Лёша, я пробуду здесь около получаса. Вы с ребятами можете...

– Анастасия Николаевна, я здесь побуду.

Он был вежлив, но непреклонен. Я нахмурилась, ощутив лёгкое беспокойство, но быстро отвлеклась, когда подошла Елена Кирилловна, с улыбкой и толстенной папкой в руках. Я слушала организатора, с чем-то соглашалась, с чем-то нет, вникала в суть, но время от времени косилась на охранника, который так и стоял в дверях. Не знаю почему, но его ответ меня обеспокоил. Он не в первый раз отказывался отходить от меня на людях, но сегодня он мне показался настроенным особо серьёзно.

– Лёша. – Мы шли к выходу, охранник услужливо распахнул передо мной дверь, я сделала шаг на улицу и едва не натолкнулась на другого охранника, который вырос передо мной, как из-под земли. Вот тут я заволновалась всерьёз. Не из-за того, что они меня со всех сторон обступили, а из-за того, что становилось понятно – что-то происходит. И оказавшись в машине, подняла глаза на Алексея. – Лёша, скажите, что-то случилось?

Он закрыл дверь моего автомобиля, она мягко хлопнула, а охранник уставился на меня честными глазами.

– С чего вы взяли, Анастасия Николаевна?

– Вы меня ни на минуту не оставляете.

Он плечами пожал.

– Сергей Александрович приказал. – И улыбнулся мне. – Вы не волнуйтесь, всё в порядке.

– Как же, – пробормотала я, выезжая со стоянки. Остановилась перед тем, как выехать на дорогу, подумала и решила поднять крышу автомобиля. Вдруг неуютно стало. Я без конца косилась в зеркало заднего вида, на машину охраны, а беспокойство лишь нарастало. Зачем мне, вообще, охрана? И ведь у каждого из них под мышкой кобура.

Вечером я устроила мужу допрос. Серёжка в ответ на мои вопросы рассмеялся, притянул меня к себе и обнял. Я ткнулась носом в его плечо, замерла так, не собираясь обнимать мужа в ответ, стояла и ждала, когда он прекратит валять дурака и скажет мне правду. Серёжка не сразу, но понял, что верить я ему не спешу, и отпустил меня с тяжким вздохом.

– Стась, ну в самом деле.

– Зачем мне охрана? – посуровела я. – Что происходит?

– Ничего. – Он даже руками развел. – Охрана для порядка.

– Для какого порядка? – попробовала я возмутиться. А потом тише и значительнее добавила: – Серёжа, у них оружие.

– Так это охрана, – удивился он. – Что у них должно быть?

Я сурово прищурилась, глядя на него.

– Мне всё это не нравится. Мне не нравится, что за мной неотрывно следят, не нравится, что я постоянно чувствую их взгляды. Как долго это будет продолжаться?

Серёжка зубы сжал, я заметила, как на его скулах желваки заходили. Отвернулся, руки в бока упёр. Потом сказал:

– Потерпи.

– Что значит потерпи?! До чего мне терпеть? Раз ты говоришь, что ничего не происходит!

– Стася!.. – Он прикрикнул на меня, обернулся, взглядом обжёг, но поторопился взять себя в руки, и даже улыбнуться попробовал. – Я тебе обещаю, что это ненадолго.

Я отвернулась от него.

– Меня не это беспокоит, не сроки, а то, что происходит. И что ты от меня скрываешь.

– Да ничего я не скрываю. Просто перестраховываюсь. Глупо, конечно, но так мне спокойнее. Хочу быть уверен на двести процентов, что с тобой всё в порядке. – Подошёл, хотел поцеловать, но я увернулась. Серёжка покаянно опустил голову и усмехнулся. – Они так тебя злят?

– Не злят. Я боюсь того, из чего последовало их появление.

– Это бизнес, милая.

На это у меня никогда ответа не находилось, по крайней мере, достойного. Серёжа иногда говорил так, будто слово «бизнес» многое объясняло. Для меня, к примеру, абсолютно ничего. Мужчины вообще многое пытались объяснить своим стремлением заработать побольше, и я уже не раз замечала, как знакомые мне люди менялись под грузом ответственности и обеспеченности. Мама всегда говорила, что чем денег больше, тем больше хочется. Это было правдой. Порой люди переступали черту, не замечая того, и для некоторых это заканчивалось довольно плачевно. Не хотелось, чтобы моего мужа постигла та же участь.

– Новый контракт? – спросила я чуть погодя. Беспокойство не унималось, и мне необходимо было выяснить подробности. Нужно было знать, что Серёжка не ввязывается во что-то плохое и опасное.

– Нет. Хочу продать кое-что. Деньги большие, а большие деньги, как известно, привлекают всякую саранчу. Как только бумаги подпишем, всё закончится. Ты потерпишь? – Он

подошёл ко мне, улыбнулся, а я вглядывалась в его глаза, отчего-то не спеша мужу верить. И не верить причины не было, вот я и мучилась сомнениями. В конце концов, благосклонно кивнула.

– Спасибо тебе большое, – серьёзно сказал Сергей, и сам же рассмеялся.

Пятница началась приятно. Впереди был день, полный хлопот, а пока мы нежились в постели, Серёжка даже на работу не спешил. Отмахнулся от звонившего телефона и вернулся ко мне. Я рассмеялась, когда он с головой нырнул под одеяло, откинулась на подушке и с ощущением счастья в душе, закрыла глаза. А когда Серёжка поднялся надо мной, притянула к себе и проговорила ему в губы:

– Люблю.

Он довольно улыбался, явно гордясь собой. Поцеловал и поинтересовался:

– Покажешь как сильно?

Если бы я знала, что это наше последнее спокойное утро, то, наверное, приложила бы куда больше усилий, чтобы убедить мужа в своей любви. Но тогда мне казалось, что старалась я вовсю, по крайней мере, Серёжка выглядел довольным. Мы потом долго лежали, обнявшись, он перебирал пальцами мои волосы, а я рассказывала ему о том, что нам вечером предстоит. Точнее, не рассказывала, а инструктировала. Серёжка вздыхал и томился, но не спорил, лишь пару раз позволил себе хмыкнуть, но замолк, как только я ему кулак под нос сунула. Он губами к нему прижался, но я не подобрела, с постели поднялась, позволила себе минутку покрасоваться, прежде чем накинула на голое тело халат, а когда муж ко мне руку протянул, желая вернуть меня в постель, покачала головой, отказываясь, и даже язык показала, поддразнивая.

Вечером мы принимали поздравления, счастливо улыбались и держались за руки. Я старалась от мужа надолго не отходить, не позволяя ему увлекаться рабочими разговорами с приятелями и партнёрами по бизнесу. Банкетный зал был переполнен людьми. Только в такие моменты по-настоящему понимаешь, скольким людям ты чем-то обязан. Родственные чувства, дружеские и приятельские отношения, бизнес и связи. Пару лет назад я обо всём этом понятия не имела. А сейчас вот заучено улыбаюсь, и не забываю высоко держать подбородок, чтобы все видели бриллиантовое кольцо на моей шее, ещё один подарок мужа, который он преподнёс мне три часа назад, перед отъездом из дома. Застал меня перед зеркалом, в вечернем платье, и надел мне его на шею. При этом взгляд был хитрым – то ли чувствовал за собой вину, то ли намекал на что-то. Тогда я вопросов задавать не стала, времени на них не было, решила оставить до завтра. А сейчас всё пыталась поймать своё отражение во всех зеркальных поверхностях. Платье необыкновенно мне шло, и этим вечером я собой любовалась, жалея, что мама и отчим отказались приехать на торжество. Вот посмотрели бы на меня. Они редко приезжали в город, а уж о том, чтобы посещать подобные мероприятия, и речи не шло, мне лишь однажды удалось уговорить их посетить ресторан, это было ровно год назад, на нашу первую с Серёжей годовщину, тогда отметили в узком семейном кругу, и то мама без конца охала и переживала по поводу того, что она не была в ресторане добрые пятнадцать лет, и вряд ли ещё раз придёт.

– Лучше уж вы к нам с Серёжей приезжайте, – говорила она мне. – Мы вас встретим, и стол накроем... – Снова беспокойно оглядела ресторанный зал. – А тут одно беспокойство. И дорого, наверное.

Мама никак не хотела верить в то, что мой муж человек более чем обеспеченный. Постоянно волновалась и советовала нам подумать о старости, и пока денег хватает, начать откладывать на «чёрный» день. «Чёрный» день, который когда-то может наступить, маму всегда пугал. А вот если бы она этим вечером оказалась здесь, увидела, как мой муж за руку здороваются с мэром, не думаю, что обрадовалась бы, скорее уж, окончательно потеряла покой. Может, к лучшему, что не видит?

Серёжка чуть сдавил мою руку, я придвинулась к нему, заглянула в глаза, и в душе всё запело. Пело ровно двадцать секунд, а потом меня от мужа Ольга оттащила. Извинилась,

больше для порядка, послала Серёжке воздушный поцелуй, и отвела меня в сторонку. Я спорить не стала, подругу под руку подхватила и приняла от неё бокал с шампанским. А она без стеснения впилась взглядом в моё кольцо.

– Я просто в бешенстве, ты знаешь? – проговорила она, прищёлкнув языком.

– Почему это? – Я машинально коснулась рукой своего подарка. – Что не так?

– Он подарил тебе кабриолет, а сегодня ещё и кольцо? Никакой справедливости. – Ольга притворно надула губы, оглянулась на своего мужа и возмущённо выдохнула. Отпила шампанского. – Всё-таки два года брака и десять лет – вещи разные. Мой теперь без пинка ничего не делает. Слушай, может мне развестись?

Я на подругу посмотрела. Ольга была старше меня на семь лет, но выглядела отлично. В молодости она была моделью, правда, областного масштаба, очень красива, но после рождения второго ребёнка её, как я это называю, переклинило, и она кинулась к пластическим хирургам, бороться с приближающейся старостью. Борьба велась ни на жизнь, а на смерть, и Ольга в ней побеждала. Она была уверена, что это благодаря приложенным усилиям, а я считала, что исправлять, по сути, было нечего – Ольга красавица. И если разведётся, то без сомнения, с лёгкостью найдёт замену своему благоверному, но есть одно существенное «но»...

– У вас дети.

– Вот и я о том же. А кое-кто не ценит. – Она вновь кинула взгляд на своего мужа, поначалу изучающий, но он быстро потеплел, и Ольга улыбнулась. – Я ему ночью напомним.

Я взяла ее под руку.

– По-моему, всё хорошо. Как ты думаешь? Я так переживала из-за Филлиповых. Они ведь только развелись, и как скандалили...

Ольга ухмыльнулась.

– Кому ты рассказываешь? Я лично перехватила Зойкину руку, когда она собиралась в Филлипова подсвечник метнуть.

– Лишь бы здесь не метнула, – затосковала я. – Я два дня думала, кого из них пригласить, потом ещё три дня о том, как осмелиться пригласить обоих.

– Но пригласила же.

– Рассадил за столики в разных концах зала. Может, они не встретятся?

– Мечтай. У Зойки нюх, как у собаки, особенно на предателей. Она уже дважды зал по кругу обошла. – Ольга рассмеялась.

Я стукнула ее по руке.

– Хватит меня пугать. Мне только скандала не хватает.

– Стася.

Я оглянулась на голос мужа, кивнула ему.

– Сейчас подойду.

– Всё, хватился, – заворчала Ольга.

Позже мы с Ольгой снова встретились, на этот раз у бара, я присела на высокий табурет, вытянула гудящие от усталости ноги, а подруге криво улыбнулась. Ольга, в отличие от меня, выглядела вполне довольной тем, как протекает вечер, пила шампанское и мерцала глазами.

– Устала?

– Ещё как.

– К земле тебя не клонит? – усмехнулась она.

Я прикоснулась к кольцу, а Ольге язык показала.

– Не завидуй.

– Почему? Что плохого в зависти? Хочешь шампанского?

– Нет. Мне и без того жарко, а мне ещё как-то надо пережить череду тостов.

– Может, на выходные за город махнём? Предложи Сергею. В тишине и покое проведём пару дней.

– Хорошо бы, – вздохнула я. – Я бы с удовольствием уехала, подышала бы свежим воздухом. Так хочется поближе к сосновому бору. – Мы переглянулись и дуэтом проговорили: – Когда воздух режь и ешь. – Рассмеялись. Так всегда говорил Ольгин муж. Стоило ему выехать за пределы города, он открывал окно в машине, с шумом втягивал в себя воздух и выдавал эту фразу. Нас с Ольгой она всегда почему-то сместила, казалась жутко глупой. Со стула я соскользнула.

– Пойду, освежусь, – проговорила я негромко. – Не хочешь со мной?

Ольга головой качнула.

– Нет, я за своим наблюдаю. Он сегодня чересчур весел, а это не к добру. Глаз с него спускать нельзя, обязательно напьётся.

– Я недолго, – пообещала я. – Если Серёжа хватится, скажи, что я вернусь через пять минут.

– Иди, иди, не хватится он, он Гайдуляна на очередной кредит убалтывает.

Я глаза вытаращила.

– Откуда ты всё знаешь? Даже я этого не знаю.

Ольга многозначительно хмыкнула и глянула на меня снисходительно.

– Деточка, я тебе уже говорила, что десять лет и два года брака – вещи разные. Ты тоже научись прислушиваться и приглядываться, когда муж перестанет поверять тебе каждый свой секрет.

Я улыбнулась, потом заторопилась к выходу из зала. Долго задерживаться на самом деле не планировала, не хотелось упустить ни одной детали вечера, всё должно пройти идеально, без малейшей шероховатости. Женский туалет очень кстати оказался пуст, я пару минут постояла, разглядывая своё отражение в зеркале и наслаждаясь прохладой и свежестью, которую давал кондиционер, потом открыла воду, намочила ладони и приложила их к щекам, очень осторожно, боясь смазать макияж. В коридоре послышались тяжёлые шаги, кто-то дошёл до двери туалета и остановился, вроде бы в нерешительности. Я невольно прислушалась, поторопилась выключить воду, оторвала салфетку и промокнула щёки. Выбросила использованную салфетку в урну и одновременно с этим открыла дверь, торопясь узнать в чём дело. За дверью оказался молодой человек, в тёмном строгом костюме, аккуратно подстриженный, но присутствовала в его облике некая простота, которая выдавала суть – он не гость, он наёмный работник. И будто подтверждая мои догадки, молодой человек вежливо и несколько равнодушно улыбнулся. Он молчал, и я насторожилась, немного.

– Вы за мной?

– Анастасия Николаевна, меня просто просили присмотреть.

– За мной? Кто просил?

– Ваш муж. Вы не торопитесь, я подожду.

Я вышла в коридор и дверь за собой прикрыла.

– Мне уже и по коридору опасно одной ходить?

Молодой человек растянул губы в безразличной улыбке, а сам приглядывался ко мне с непонятым любопытством. Взгляд его мне не понравился. Мы на секунду встретились глазами, и я вдруг ощутила холод в душе, как предчувствие. Отвернулась, подняла руку, чтобы поправить причёску, а на самом деле торопилась разорвать зрительный контакт.

– Сергей Александрович попросил, чтобы я проводил вас во двор.

– Во двор? – переспросила я. – Зачем?

– Я не должен говорить, это сюрприз. Сейчас все гости выйдут...

– Фейерверк будет? – догадалась я и улыбнулась. Серёжка в своём репертуаре.

– Вы должны это первой увидеть, – проговорил молодой человек со странной интонацией, будто это не муж, а он мне сюрприз устраивал. Шёл позади, отставал всего на шаг, мне всё время казалось, что он вот-вот на пятки мне наступит, я даже шаг ускорила, словно меня

подгоняли. Мы дошли до задней двери никого не встретив, голоса гостей слышались совсем рядом, я даже оглянулась, поняла, что дверь в зал всего в нескольких метрах, но молодой человек неожиданно оказался прямо передо мной, теперь уже настойчиво подталкивая меня к выходу из здания. – Вас там ждут, – заверил он, протянул руку, едва не коснувшись меня, я поторопилась отодвинуться, дверь распахнул и повёл рукой, предлагая мне выйти.

Я повернулась, вышла на кособокое бетонное крыльцо и оглядела двор-колодец. Ни деревца, ни травки, только асфальт, мусорные баки в стороне да побитая иномарка, припаркованная в паре метров от крыльца. Я нахмурилась, не понимая, что за странное место Серёжка для фейерверка выбрал, да и не было никого. Сощурилась, вглядываясь в вечерние сумерки, подняла глаза к светящимся окнам на третьем этаже, собралась повернуться, чтобы строго поинтересоваться у молодого человека, что за дурацкие шутки, и не успела. Меня больно схватили за волосы, дёрнули вниз, отчего у меня подогнулись колени, а когда я открыла рот, чтобы взвыть от боли и неожиданности, его крепко зажали. Но не ладонью, а какой-то тряпкой. Она и нос мне закрыла, я сделала судорожный вдох, почувствовала резкий больничный запах, и вот тут меня словно по сердцу ножом полоснул ужас. Не страх, а именно ужас. Но было слишком поздно, перед глазами всё поплыло, я пыталась дышать, но от этого становилось лишь хуже. Вместо крика из горла вырвался беспомощный хрип, я осела на мужских руках, которые тут же меня подхватили, и прежде чем потерять сознание, услышала довольный и глумливый голос своего провожатого:

– Готово. Бери её, сваливать надо.

Первое, что я услышала, когда пришла в себя, это был мужской гогот. Не смех. Смехом бы я это не назвала. Мужчины были где-то недалеко от меня и издевательски гоготали, что-то обсуждая. Я не сразу поняла, что обсуждают они меня. Сделала осторожный вдох, поняла, что дышать могу, и мне ни что не мешает, но глаза открывать не торопилась. Пыталась справиться со сковавшим меня страхом, отвлечься от головной боли, что билась в висках, от стука крови в ушах, прислушаться и понять где я и что со мной. Я даже пошевелиться опасалась, вдруг заметят, поймут, что я очнулась и тогда начнётся мой кошмар.

«Боже, Серёжка, во что же ты вляпался, дурак?»

– Тебя точно никто не видел?

– Да вот те крест! – Я узнала по голосу своего провожатого. – Вся гвардия вокруг Поляка, снайперов высматривают видимо. – Смех его вышел издевательским.

– Странно, – глухо проворчал кто-то. Голос был недовольным и скрипучим. – Он с неё глаз не спускал в последние недели.

– Ага, она разве что в сортир без охраны ходила. И я знал, где её ловить!

– Ты особо-то не радуйся. Если на глаза никому не попался – твоё счастье. А то оторвут тебе башку, как нечего делать.

– Да ладно тебе, Гриш. Я же говорил, что сделаю всё чисто. И вот, как обещал...

Я услышала негромкое бульканье и поняла, что они водку разливают. Меня передёрнуло. И, наверное, это моё неосознанное телодвижение незамеченным не осталось: для начала я услышала скрип отодвигаемого стула, потом тяжёлые шаги, и кто-то остановился рядом со мной, внимательно наблюдая. Я перестала дышать. Очень боялась чем-то себя выдать. Вдруг веки дрогнут, горло дёрнётся, я побледнею или, наоборот, покраснею, или ещё проще, не выдержу, и завизжу. Что они тогда со мной сделают? Лежала я в неудобной позе, на боку и навалившись на одну руку, она начала стремительно неметь, и я с каждой секундой чувствовала себя всё паршивее. Только продолжала мысленно уговаривать себя потерпеть. Меня, наверняка, уже хватились, Серёжка меня уже ищет. И обязательно найдёт. У него собственная служба безопасности, у него связи, деньги... Обязательно найдёт. Интересно, сколько времени я была без сознания?

– Ещё не очухалась? – спросил незнакомый голос. Значит в комнате их трое, а то и четверо. Час от часу не легче.

Человек, что стоял надо мной, не сразу дал ответ. Всё разглядывал меня, мне казалось, что я физически ощущаю его взгляд, будто он меня не разглядывает, а ощупывает.

– Да вроде нет. Ты с эфиром не переборщил, придурок?

– Ну, поспит на часок больше, подумаешь. Оклемается.

– Мне только дохлых баб тут не хватало. – Этот голос мне активно не нравился. Глухой, неприятный и скрипучий.

– Поляку когда будем звонить?

– Завтра. Пусть побегает чуток, пострадает без любимой жёнушки.

Так они Поляком Серёжку зовут? Почему Поляк?

И вот тут меня накрыло понимание того, в какой гнусной ситуации я оказалась. Меня похитили. Как в каком-то дурацком, страшном фильме. И чем всё это для меня закончится – неизвестно. Даже по голосам слышно, что это за отморозки. У меня засосало где-то под ложечкой, да так сильно, что я едва сдержала стон. Рука ныла и болела, во рту пересохло, а веки казались мне свинцовыми. В какой-то момент терпеть это стало невыносимо, и я глаза открыла. Знала, что должна и дальше притворяться, ради собственного блага, терпеть так долго, как только возможно, но глаза сами по себе распахнулись. Я вдохнула глубоко, захлебнувшись, словно это был мой первый вдох после того, как меня эфиром усыпили, и закашлялась.

– О, наша принцесса очнулась, – рассмеялся кто-то за моей спиной. – С возвращением в этот мир, дорогуша. Как леталось?

– Да заткнись ты, – посоветовал кто-то, но вполне беззлобно.

Я голову повернула и посмотрела на собравшихся за столом мужчин. Лучше бы я на них не смотрела, честное слово, окровавленными головорезами они не выглядели, но взгляды, обращённые ко мне, были начисто лишены человеческих эмоций. Меня разглядывали с ленивым пренебрежением, будто я была кучей мусора, сваленной в углу. Хотя, я и была похожа на кучу: разбитая и несчастная. Первым отвернулся мужчина, сидевший с краю стола, он внешне походил на грозовую тучу, такой же тёмный и смурной, и я ему, по-видимому, была совершенно безразлична. Он потянулся через стол к бутылке с водкой, налил себе рюмку и тут же выпил. А остальные трое пялились на меня. Мой провожатый, точнее, мой похититель, был самым молодым в этой компании, и самым симпатичным, вот только бесноватый взгляд мешал проникнуться к нему хоть какой-то симпатией. Он и сейчас на меня тарасился с издёвкой и ухмылкой во всю физиономию. Был заметно пьян, и оттого казался ещё более опасным. Мужчина рядом с ним сидел в расслабленной позе, развалившись на стуле, и ко мне присматривался, капризно выпятив нижнюю губу, будто решал, с какого бока за меня лучше взяться. От его масляного взгляда я неуютно поёжилась. А вот четвертый показался мне самым опасным. Он сидел не за столом, а в кресле, чуть в стороне, и не просто разглядывал меня, а смотрел в упор, словно это было его прямой обязанностью – не спускать с меня глаз. Смотрел он хмуро и даже возмущённо, взгляд шастал по моему телу, но никакого сексуального подтекста я не заметила. Такое чувство, что он ненавидел меня, что у него есть для этого причина, и он истинно ненавидит – меня лично, моё присутствие здесь и то, что он обязан на меня тараситься в эту минуту. Старенькое кресло на козых ножках, какие выпускали в восьмидесятые, смотрелось под его внушительной фигурой несуразно. И хоть сидел мужчина в расслабленной позе, вытянув длинные ноги, мне вдруг показалось, что кресло может развалиться под его тяжестью в любую минуту: он лишь руку на подлокотнике в сторону сдвинул, а оно уже жалобно скрипнуло. На лице каменное выражение, глубоко посаженные глаза прищурены, а подбородок даже для его мало симпатичного лица кажется тяжеловатым. Нижняя челюсть упрямо выдвинута вперёд, брови сошлись на переносице, а широкая ладонь, обхватывающая хлипкий подлокотник, вдруг сжалась в пудовый кулак, и я увидела татуировку, выби-

тую на фаланге безымянного пальца, напоминающей перстень. Такие бывают у уголовников. Точно, они уголовники, и они меня похитили.

Я судорожно сглотнула и схватилась за горло, когда его спазмом перехватило. Я попыталась сесть, поняла, что лежу на продавленном диване, придвинутом к дощатой стене, и замерла, не зная, можно мне сесть или лучше остаться в том положении, в котором меня оставили похитители. Но с другой стороны, что хорошего в том, что я лежу перед четырьмя мужиками зверской наружности? Я села и даже ноги на пол спустила. Обвела взглядом небольшую, неуютную комнату. Стены дощатые, пол грязный, а из мебели диван, грубо сколоченный стол да несколько стульев. И кресло, конечно же, на котором сидит тип со зверской физиономией. Окно маленькое, занавешенное мятой нестиранной тряпкой. По всему выходит, что мы в частном доме, это точно не квартира.

Я машинально сжала горло рукой, снова кашлянула и испуганно таращила глаза на мужчин. Тот, что сидел в кресле, неторопливо поднялся, взял со стола железную кружку, зачерпнул воды из ведра, что стояло в углу, и направился ко мне. Я следила за его приближением с откровенным ужасом в глазах. А он мне кружку протянул. Не произнёс ни слова, но смотрел так, что мёртвого проймёт. Я трясущейся рукой кружку взяла и сделала несколько жадных глотков. Вода была холодная, сырая, по всему выходило, что колодезная. Кружку я вернула, открыла рот, не зная, поблагодарить или не стоит. В конце концов решила, что нужно быть вежливой, не грубить и не истерить, поэтому тихо проговорила:

– Спасибо.

Мой провожатый за столом радостно заржал, но его снова быстренько заткнули. Видимо, особым авторитетом он в этой компании не пользовался. Я подняла глаза на типа, что стоял передо мной, не понимая, почему он до сих пор надо мной нависает, а он, не спуская с меня глаз, кружку к своим губам поднёс и сделал пару глотков. Мне снова кашлянуть захотелось, но это было нервное, я попросту задыхалась, когда он смотрел на меня в упор.

– Как тебя зовут? – спросил он, напившись и утеревшись тыльной стороной ладони. Буравил меня глазами, а я в душе затаилась, когда поняла, что именно он обладатель того неприятного, скрипучего голоса. Не сразу опомнилась, но на вопрос ответила.

– Стася.

– Стася? Это Настя, что ли? – Я кивнула. – Настя, значит. Как в сказке: Настенька и медведь. Или там Машенька была?

Я настороженно молчала, не зная, к чему он ведёт. А он вернулся к столу, кружку поставил и снова ко мне повернулся. Все остальные молчали, позволив ему со мной объясняться.

– У нас для тебя всего два правила, Настенька, – заявил он. – Ты ведёшь себя тихо и не задаёшь вопросов. Если всё сделаешь, как надо, скоро вернёшься к своему благоверному. И что особо примечательно, вернёшься целой и невредимой.

– Целой ли? – ухмыльнулся мой похититель, а мужчина рядом с ним сунул ему кулак под нос и посоветовал:

– Пашка, заглохни.

Я постаралась перевести дыхание. Взгляд мой метался по комнате, ни на чём не задерживаясь, потом я руки судорожно сцепила.

– Когда? – поинтересовалась я, и, кажется, тем, что осмелилась проявить интерес, мужчин удивила. На меня уставились.

– Что?

– Когда вернусь... то есть, вы меня вернёте домой?

– А это зависит от того, как сильно тебя муж любит. Он тебя любит?

Я уверенно кивнула.

– Да.

– Сильно?

Я облизала губы.

– Да.

– Тогда о чём тебе переживать?

Странный вопрос. Переживала я не о степени любви ко мне мужа, а вот об этих четверых неандертальцах.

Ненадолго обо мне забыли. Мужчины выпивали, о чём-то негромко переговаривались, я от волнения даже прислушаться толком не могла, в висках, казалось, барабанная дробь. Осторожно сдвинулась к стене, ноги под себя поджала, сжалась в комок и так замерла, время от времени сглатывая комок в горле. Нервы были на пределе, и я очень боялась, что сорвусь и начну рыдать. Страшно было безумно, кажется, мне никогда в жизни так страшно не было. Что-то липкое и противное шевелилось внутри, меня то и дело передёргивало от отвращения к этим типам, я отворачивалась, сжимала кулаки и глотала слёзы. А ещё мысленно умоляла Серёжку: «Найди меня, найди. Прямо сейчас. Иначе я не выдержу и умру от ужаса. Или они меня убьют, когда им надоест слушать мой визг».

Но время шло, хоть и медленно, но двигалось, я неотрывно смотрела на циферблат старенького, громко тикающего будильника, следила за минутной стрелкой, прошло сорок минут, а ничего не происходило. За стенами домика по-прежнему тишина, только ветер свищет, как-то подозрительно шумно, его даже из-за мужских суровых голосов слышно. Я долго прислушивалась, прежде чем поняла, что мне напоминает шум ветра: вокруг лес. И скорее всего, именно сосновый, о котором я мечтала несколько часов назад, разговаривая с Ольгой. Сбылась мечта, как говорится.

– Ладно, посидели и будет. – Зверский тип, которого, как я выяснила, звали Гришей, из-за стола поднялся и ногой оттащил свой стул в сторону. Тот ножкой зацепился за выступающий край половой доски и с грохотом повалился на пол, но на это никто внимания не обратил. Остальные тоже начали из-за стола подниматься, я вжалась в стену, не зная, чего ожидать, но на меня даже никто не взглянул.

– Чтоб тебя завтра утром не то что в городе, в области не было, – приказным голосом, но вроде бы нехотя, проговорил Смурной, обращаясь к Пашке.

Тот в ответ хохотнул и развел руками.

– Да как скажете, попрощаюсь с вами и даже скучать не буду, только... – Он выразительно взглянул на остальных, вскинул брови, затем сделал незамысловатый жест, потеряв пальцы друг о дружку. И вот тогда Григорий обо мне вспомнил, подошёл, бесцеремонно схватил меня за волосы, заставляя наклонить голову. Я едва сдержалась, чтобы не заорать. А он схватился за моё кольцо, расстегнул подозрительно ловко, ни на мгновение не помешкав с замком, а я покачнулась, когда он меня отпустил, едва не повалилась на диван, как неваляшка. Моё бриллиантовое кольцо, подарок мужа на годовщину свадьбы, перекочевало в карман бесшабашного Пашки.

– Надо объяснять, что из города оно должно уехать вместе с тобой?

– Да понял, не дурак. – Широко улыбнулся. – Дурак бы не понял.

Они все вышли из комнаты, дверь плотно прикрылась, а я наконец смогла закрыть лицо руками и позволить себе тихонечко повыть. Даже головой потрясла, будто надеялась очнуться от кошмарного сна. Но это, конечно же, не помогло. Мужские голоса слышались на улице, а минут через десять заработал двигатель машины, и на минуту всё стихло. Стало очень тихо. Я отсчитывала секунды, одну за другой, но кроме шума ветра, который бесновался в высоких кронах сосен, ничего не слышала. На какое-то мгновение в душе шевельнулась надежда, ослепительная вспышка озарила и погасла, после чего стало ещё страшнее. Неужели они оставили меня здесь одну, в лесу? Я рискнула встать с дивана, только успела приподняться, как дверь комнаты рывком открылась, и вошёл, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, Гриша. Я шлёпнулась на диван и снова поспешила сдвинуться к стене. Стало понятно, что всё куда хуже,

чем я ожидала: мы остались вдвоём. Меня оставили один на один с этим психом. Я до сих пор чувствовала его прикосновение к своей шее: грубое и бесцеремонное.

Гриша потарачился на меня с полминуты, после чего вышел, а вернулся со стопкой одежды. Кинул её на диван.

– Переоденься. Твоё платье с цветом обивки не гармонирует.

Одежду я сгребла одной рукой и прижала к себе, а сама не спускала с мужчины настороженного взгляда. Он даже попытки не сделал отвернуться и выходить, по всей видимости, не собирался. В его глазах даже искорка интереса проявилась. И поторопил меня:

– Ну.

Я подышала носом.

– Отвернитесь.

Он насмешливо вздёрнул бровь.

– А кто сказал, что ты можешь голос подавать?

Я комкала в руке джинсовую ткань, отвернулась и молчала, давая понять, что ничего делать не буду в его присутствии. Он ждал пару минут, после чего фыркнул и из комнаты вышел. Дверь снова плотно закрылась, а ещё я услышала звук, напоминающий опускающийся засов. Значит, запирают. Переделалась я за минуту, сама себя этим поразила. Стянула с себя мятое, испачкавшееся платье, кинула его на пол, и торопливо влезла в дешёвенькие джинсы и футболку. Ещё мой сторожевой пёс «подарил» мне теплую кофту на молнии и шерстяные носки. Всё моего размера, меня здесь явно ждали. Пока я была в комнате одна, метнулась к окну, отдернула тряпку, что служила здесь занавеской, и выглянула наружу. Абсолютно зряшное занятие, тьма за окном – хоть глаз выколи. Только шум ветра слышен явственнее. Он казался тревожным и будил в моей душе не слишком приятные предчувствия.

Дверь снова открылась неожиданно, я испуганно обернулась, не успев отскочить от окна, отступила на шаг и упёрлась в стену. Приходится признать, что не смотря на свою комплекцию, передвигается мой стражник совершенно бесшумно. И теперь смотрит на меня без всякого выражения, но в голосе, который вновь стал скрипучим, проскользнуло явное недовольство моим поведением.

– Тебе же сказано было: не шали. – Он ткнул пальцем в диван. – Сядь и сиди.

Я шмыгнула на указанное место. Гриша же шагнул к столу, обозрел грязные тарелки и пустые бутылки, головой качнул, потом быстренько все тарелки собрал в стопку и из комнаты унёс. Я наблюдала за ним, он делал всё молча и на меня внимания не обращал. Только потом ногой поддел моё платье и откинул его к противоположной стене. Вот тут я почувствовала неожиданную злость. Дикарь. Он понятия не имеет, сколько это платье стоит.

– Вы будете просить у Серёжи денег? – этот вопрос вырвался у меня неожиданно. Я честно собиралась молчать, как мне и приказали, но тишина и невысказанные страхи действовали на нервы.

Гриша швырнул на мой диван подушку и одеяло.

– Ложись спать.

– Но...

– Закрой рот и ложись спать.

Я вздохнула. Приткнула подушку к стене, вцепилась в её угол.

– Мне нужно в туалет.

Он остановился, стоя ко мне спиной, упёр руки в бока, а вздохнул поистине страдальчески.

– Пошли.

С дивана я поднялась, в некоторой растерянности посмотрела на свои ноги в шерстяных носках.

– Вы... не дали мне обувь.

– Серьёзно? А куда ты собралась ходить?

Туалет оказался в доме. Мы вышли через сени во двор, я крутила головой, оглядываясь, за стеной комнаты, в которой меня держали, заметила маленькую кухоньку, но и в ней мебели был минимум: стол, старая закопчённая плита, да деревянная лавка в углу, на которой стояла кастрюля и ведро с водой. Проходя через сени, я кинула взгляд в окно. Оно выходило на другую сторону, и я надеялась увидеть огни, понять, что рядом люди, но не повезло, всё та же темнота. Кругом лес, теперь я была в этом уверена. Возвращаясь из туалета, я всего на секунду оказалась у распахнутой на улицу двери и почувствовала запах дождя. К страху и растерянности от случившегося со мной, прибавилась тоска. Такое чувство, что я неожиданно оказалась оторванной от реального мира, где-то на краю бездны, и здесь только ветер и дождь, а ещё страшный человек за моей спиной, которому убить меня ничего не стоит. Возьмёт и прихлопнет, как муху. Ему даже особо стараться не придётся, силы-то немеренно.

– Всё? Попила, в туалет сходила, вопросы позадавала? – не любезно поинтересовался он. – Ложись спать. И чтоб я тебя не слышал.

Спорить я не стала, легла и натянула на себя колючее одеяло. Подумала и укрылась с головой. Слезы тут же полились, я тихонько всхлипнула, но тут же зажала себе рот рукой. Через несколько минут осторожно выглянула, и поняла, что в комнате темно. Одеяло с лица я убрала, потому что было неприятно дышать, от одеяла несло сыростью, запах был откровенно неприятным. Глаза, уже привыкшие к темноте, разглядели на полу тень, и я, поразмыслив, решила, что мой надсмотрщик устроился на полу, скорее всего, на спальном мешке. Голову с подушки приподняла, оглядываясь, и вздрогнула от резкого и угрожающего окрика:

– Я сказал: спать. Или хочешь, чтобы я тебя успокоил?

Я рухнула на подушку и затаила дыхание. А про себя повторила: «Серёжка, найди меня. Я его боюсь».

Утро началось с того, что я неловко перевернулась на спину и стукнулась затылком о жёсткий подлокотник дивана. Глаза распахнула, увидела дощатый потолок над головой, секунду соображала, где я, воспоминания навалились на меня, ужаснув нереальностью происходящего, я поторопилась принять сидячее положение и огляделась. Гриши в комнате не было. Дверь была закрыта, но не успела я вздохнуть с облегчением, как он возник на пороге и уставился на меня с неприятным прищуром. Я поняла, что настроение у него ещё хуже, чем вчера. От похмелья страдает? Или это черта характера – вечное недовольство?

То, что я проснулась и теперь взираю на него с беспокойством, он проигнорировал, прошёл к столу и поставил на неё железную миску и чашку с чем-то дымящимся.

– Садись, ешь, – бросил он мне.

Поспорить я не решилась, хотя, предпочтительнее было бы посетить для начала туалет и умыться. Но я встала с дивана и прошла к столу. В миске была заваренная лапша быстрого приготовления, а в чашке кофе. Что-то мне подсказывало, что тоже из пакетика.

– Хлеба дать?

Я потаращилась в тарелку с лапшой, понимая, что не смогу это есть, и кивнула. Григорий презрительно фыркнул, удалился из комнаты, а через минуту вернулся с ломтём белой булки, на котором лежал кусок сыра. Пока я пила кофе и жевала хлеб, он сидел в кресле и тарашился на меня. Если честно, я едва терпела, у меня кусок в горло не шёл под его взглядом.

– Здесь есть погреб, – уведомил он меня минут через пять. Я подавилась и кашлянула.

– Что?

– Погреб есть. Неглубокий, но тёмный и сырой. Если ты будешь доставлять мне неприятности, или задавать дурацкие вопросы, я тебя туда посажу. И тогда орать и плакать будет бесполезно. Всё понятно?

Я торопливо кивнула и поджала ноги под стул.

– Я не буду.

– Вот и хорошо.

– Можно мне умыться?

– Можно. И даже посуду за собой помыть можно.

А что? Хоть бы и чашку в холодной воде сполоснуть – всё дело. Я под конвоем прошла на маленькую кухню, вымыла чашку и поставила её на стол, заметила грязную тарелку на столе, и её вымыла. После этого меня отвели в туалет и позволили умыться у умывальника. Такой, как помню, у бабушки в огороде висел. Надо было снизу поднять металлический стержень, и из образовавшегося отверстия лилась вода. Лилась она в пластмассовый таз, а на табуретке рядом лежало мыло и зубная паста.

– Теперь в комнату, – скомандовал Григорий, когда я утёрлась полотенцем, слава богу, чистым.

Я вернулась на свой диван, прислонилась к стене и стала смотреть в окно, тряпица на котором была отёрнута. День солнечный, ничто не напоминало о вчерашнем сильном ветре и ночном дожде. В груди сразу заныло, душа рвалась на волю, ввысь, на свободу. Я поморгала, стараясь избавиться от слёз, посмотрела на Григория, который сидел за столом и ел лапшу, что я пробовать не стала, пустым взглядом таращился на стену напротив, но скучающим не выглядел. Господи, сколько я здесь пробуду? Это мучение какое-то.

Больше всего я страдала от неизвестности. Если честно, предполагала, что всё разрешится в первый же день. Похитители попросят у Серёжки выкуп, тот, конечно же, согласится на все условия, быстро найдёт деньги, передаст их, и к вечеру, ну в крайнем случае, к следующему полудню, я уже буду дома, приходить в себя и зализывать раны, рассказывая мужу о пережитых мучениях и стрессе. Я ждала, ждала... Каждую минуту ожидала телефонного звонка или что кто-нибудь приедет с новостями, но ничего не происходило. Мой стражник оказался человеком неразговорчивым, а я и вовсе назвала бы его нелюдимым, и за весь день обратился ко мне лишь с пятком вопросов, которые и на вопросы-то похожи не были, скорее уж приказы. Ешь, пей, иди, садись, молчи... Заняться было абсолютно нечем. Я сидела на диване, привалившись спиной к шершавой стене, и изводила себя страшными мыслями и предположениями, каждое из которых было страшнее другого. Встречаться взглядом с Григорием опасалась, неизменно отворачивалась, как только он входил в комнату. Он же в отличие от меня, тут же впивался глазами в моё лицо, словно пытался прочесть замыслы побега. А их не было. Просто потому, что от волнения я не могла придумать ничего толкового. Мысли в голове путались, скакали, меня каждую минуту накрывало волной надежды, а через мгновение мороз шёл по коже от страха, что ничего не сбудется. Я думала о муже, о доме, о том, как счастлива с Сережкой, и ругала себя за то, что в недостаточной степени ценила наше счастье. Вот и накликала беду.

Так прошёл первый день. Как вечность. Провести много часов, пялясь в углы маленькой обшарпанной комнатухи – то ещё занятие. Я время от времени переводила взгляд на окно, и отстранённо отмечала перемещение солнца. Вот оно перестало заглядывать в комнату, вот переместилось на верхушку берёзы невдалеке, убежало от неё и, наконец, начало клониться к горизонту. Скоро начнёт темнеть, день прошёл, а ничего не случилось. «Значит, случится завтра», – попыталась я себя приободрить. – «Прямо утром. Сегодня просто не успели, и это нормально. А вот завтра прямо с утра...».

Мой охранник, вроде бы, позабыл о моём существовании. Ходил мимо, занимался своими делами, а в мою сторону не смотрел. Правда, об ужине вспомнил, принёс тарелку, чая налил, а я минут двадцать сидела, крутя вилок во всё той же лапше, которую и едой-то назвать нельзя. Я осторожно скосила глаза, понаблюдала за тем, как Гриша ест, надо сказать, что с аппетитом. В конце концов, я съела кусок чёрного хлеба, выпила чай и отодвинула от себя тарелку. Он ведь не будет заставлять меня это есть? Это было бы чересчур.

– Что, не похоже на гребешки под сливочным соусом?

Я глаза вскинула, удивлённая его замечанием. Подумала, прежде чем ответить.

– А вы пробовали гребешки?

Он хмыкнул, мне показалось, что угрожающе.

– Нет, конечно. Я про них в книжке читал.

– А-а.

– Поела? Ложись спать.

– Ещё рано.

– Да? У тебя есть достойный способ развлечь меня?

Я сползла со стула и шмыгнула на диван, тут же натянула на себя одеяло. Услышала издевательский смешок, и на всякий случай затаилась. Григорий из комнаты вышел, закрыл за собой дверь, и я услышала, как засов опустился. Значит, ушёл надолго. Я немного выждала, прислушиваясь к шагам за дверью, но толка от этого мало, я уже знала, что Гриша передвигается практически бесшумно. Не знаю, как ему это удаётся при его росте и весе. Одеяло я с себя скинула, потому что стало жарко, потом с дивана встала и подошла к окну, выглянула осторожно. Увидела Гришу, он сидел на завалинке и курил, глядя в небо. Явно никуда не торопился. А я-то надеялась, что он бросился подельникам звонить. Или здесь телефон не берёт?

Следующий день прошёл в мучительном ожидании, я была, как на иголках, вздрагивала от каждого шороха. Даже есть отказалась, правда, поостереглась вслух объявить голодовку, чай пила, но ни крошки не взяла в рот. Григорий безразлично пожал плечами, и лишь вечером поинтересовался, буду ли я ужинать. Я покачала головой, и он не позаботился принести для меня тарелку, хотя бы для вида. Одно радовало, что он больше не рычал на меня и не угрожал. Наверное, потому, что я молчала и не задавала никаких вопросов, как он и просил, хотя мне очень хотелось, меня попросту распирало. Я хотела знать, когда меня вернут мужу! Отчаяние переполняло, и я даже пару раз рыдать принималась, правда, в подушку. Но рыдания не облегчили моих страданий, наоборот, прибавили отчаяния. Рыдай не рыдай, а ситуация не исправляется.

К середине третьего дня я не выдержала. Всё утро наблюдала за Гришей, пытаюсь понять, в каком он настроении, а за обедом, который я соблаговолила попробовать, рискнула открыть рот. Стараясь произвести впечатление своим послушанием и кротостью, попробовала эту треклятую лапшу, которой он меня упорно потчевал, и решила начать издалека.

– Это ваш дом?

Гриша вроде удивился, услышав мой голос, который произнёс связно сразу несколько слов. Молчал, не торопясь отвечать, и я поспешила пояснить свой вопрос.

– Вы здесь всегда живёте? Постоянно?

– А что?

– Да нет, ничего, – затараторила я и споро накрутила на вилку макароны, вот только сунуть их в рот так сразу не решилась. – Просто... тут же лес кругом. И людей нет. Вам здесь не тоскливо?

– Тоскливо? – На его губах появилась довольно противная усмешка. – Да как тебе сказать...

Я на всякий случай нахмурилась.

– Я просто пытаюсь поддержать беседу.

– А у нас беседа, оказывается?

Ну почему он такой противный? Я кинула на него хмурый взгляд исподлобья. Совершенно несносный тип, я не удивлена, что он в лесу живёт, один, как сыч. У него даже собаки нет. Потому что его и собака бы не выдержала, сбежала! Я сделала осторожный вдох, пытаюсь справиться с раздражением. А сама разглядывала его украдкой. За последние три дня мой охранник принял ещё более угрожающий вид: зарос щетиной, потемнел лицом, и глазами сверкал не добро. Рядом никого не было, я поневоле его разглядывала, не зная, чем занять себя

в течение долгих тоскливых часов, и чем дольше он был у меня на глазах, тем не утешительнее становились мои выводы: ничего хорошего мне от него ждать не приходится. Даже если я предприму попытку сбежать, он меня поймает и отвернёт мне голову, как куренку. Его руки – это оружие, данное ему Богом, по-другому не назовёшь, большие и сильные. По-мужски красивые, но в моей ситуации, опасны для жизни. Ростом его тоже природа не обидела, но назвать его симпатичным можно с большой натяжкой. И дело было даже не в некоторой асимметричности его лица, тяжёлом подбородке, например, и носе с горбинкой, всё дело было в его взгляде: цепком и циничном, с извечным подозрением. А когда Гриша шурился, то серые глаза стремительно темнели, и казалось, что на тебя направлены два лазерных прицела. Но всё равно было в нём что-то, что не давало до конца поверить в его добровольное отшельничество, не был он похож на жителя леса, поэтому я и принялась расспрашивать, почему он живёт здесь. Неужели только из-за меня? Но дом кажется обжитым, здесь есть всё необходимое, даже электричество, а если выглянуть в окно, то можно увидеть грядки чуть в сторонке, и вязанку дров. Значит, кто-то здесь всё-таки живет?

– Телефон здесь берёт?

– Тебе зачем?

– Отвечать вопросом на вопрос невежливо.

– А я вообще такой, не вежливый.

– Я заметила, – буркнула я.

Он откинулся на стуле, с интересом приглядываясь ко мне.

– Ты два дня молчала, я даже подумал, что Поляку реально повезло: идеальную бабу нашёл, но оказывается, ты просто с силами собиралась?

– Почему вы называете Серёжу Поляком?

– Ты забыла про погреб? Могу тебе его показать. Я буду добрым и даже позволю тебе взять с собой одеяло.

Я нервно сглотнула, уставилась в свою тарелку и несколько минут молчала. Потом собрала грязную посуду и прошла на кухню, чтобы её помыть. Тарелки были металлические, а я с тоской вспоминала свой новый фарфоровый сервиз, в нём тарелочки были почти прозрачные, с узором по краю. С каким бы удовольствием я сейчас разбила парочку.

– Можно я открою окно? В комнате душно. Гриша на окно посмотрел, с прищуром, затем на меня взгляд перевёл, и я поняла, что приценивается: пролезу я в него или нет. Я фыркнула.

– Не льстите мне. Здесь окна, как в бойнице. То, в каком именно направлении смотрел мой надзиратель, и какие именно выдающиеся части моей фигуры он оценивал, мне не понравилось. Я даже руками себя за плечи обхватила, скрываясь от его взгляда.

– Открой, – наконец решил он.

Следующим утром меня посетила страшная мысль, которая уничтожила последние крохи надежды. Как-то неправильно меня похитили. То есть, если верить знаниям, почерпанным из детективных сериалов и фильмов, жертв, которые в состоянии опознать своих похитителей, в живых не оставляют. А эти даже не прятались от меня. А уж физиономию Григория я вообще никогда не позабуду, в толпе среди тысяч узнаю, сейчас так кажется по крайней мере. Что же получается? Меня не собираются отпускать? Меня убьют? Вот в этой избушке на курьих ножках, и закопают где-нибудь в лесочке, под высокими соснами, шелест которых я так люблю. Вот они и будут вечно шуметь у меня над головой, вот только мне это будет уже безразлично.

Я долго комкала угол подушки, прислушиваясь к стуку топора, Гриша на улице дрова рубил, и не знал, что меня сейчас колотит, как в лихорадке. Именно в этот момент у меня кончилась выдержка. Я поняла, что ещё немного, и я заору. Вот честно, заору. Я здесь больше трёх суток, и за это время никто не приехал и не передал ни одной весточки. Да неужели за такое длительное время Серёжка не смог собрать деньги? Значит, что-то идёт не так. Значит, я в опасности. Никто не знает, где я. Да я сама не знаю, где я! В каком-то лесу, наедине с психом,

который, судя по звуку, отлично управляется с топором. А где милиция, где Серёжкина охрана, которой он платит безумные деньги? Никто не смог меня уберечь от неприятностей, и помочь никто не может.

Я отпихнула от себя подушку и сдула со щеки прядь волос, уже далеко не чистых и не шелковистых. Стало ясно, что спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Нужно выбираться отсюда. Мой взгляд снова вернулся к распахнутому окну. Теперь уже я прищурилась, прицениваясь. Маленькое, конечно, но если я очень постараюсь... Тренер в спортзале всегда хвалил меня за растяжку. Я с дивана поднялась и замерла, затаив дыхание, словно ожидая, что уже в следующую секунду Гриша подслушает мои мысли, ворвётся в комнату, схватит меня и посадит в погреб. Он посадит меня в погреб, ему это ничего не стоит!.. Но в комнату никто не ворвался, топор стучал в прежнем ритме, и я решилась. Подошла к окну, сдернула с него тряпицу, и пошире распахнула створку. Для начала высунула наружу голову, огляделась. Отсюда Григория видно не было. Я помедлила, затем осторожно просунула в оконный проём одно плечо. На одну секунду мне показалось, что я застряла. Пришлось приложить усилие, чтобы вырваться, хотя это усилие могло привести к обратному эффекту, и я могла застрять окончательно, как пробка в бутылке. Когда я на половину оказалась на воле, счастьем моему не было предела. Я глубоко дышала, щурясь на солнце, упёрлась руками в стену, пытаюсь протолкнуть через окно нижнюю половину своего туловища, слава богу, широкими бёдрами меня природа обделила, поднатужилась... и вывалилась на зелёную травку, больно ткнувшись лбом о землю и ободрав руку. Но я вылезла! Поднялась на ноги, машинально оглянулась, заглядывая в окно, и к своему ужасу увидела Гришу, который как раз открыл дверь и вошёл в комнату. Мы встретились взглядами, его перекосило, он кинулся к окну, будто надеялся схватить меня, а я припустила к лесу, перескакивая через грядки. Поначалу бежать было легко. Обувки на мне не было, только носки, я даже порадовалась этому обстоятельству в какой-то момент, как мне казалось, неслась я со скоростью света, но пробежав поляну и оказавшись в лесу, где под ногами сплошные коряги и выступающие корни деревьев, я очень быстро зашибла большой палец. Споткнулась, чертыхнулась, от боли из глаз слёзы брызнули, и я остановилась, прижавшись к стволу дерева. Знала, что нужно бежать, нельзя останавливаться, ведь Грише не потребуется много времени, чтобы обежать дом и кинуться за мной в погоню, и что-то мне подсказывало, что как бы быстро я не бегала, он бежит лучше. Он хищник, а я снова жертва. Но мне нужна была минута, всего минута, чтобы оглядеться и понять, в какую сторону лучше бежать.

– Вернись немедленно! – рявкнул он на весь лес, причём таким тоном, что только сумасшедшая решилась бы выполнить его просьбу. – Настька! Чёрт бы тебя взял!

Никто и никогда не называл меня Настькой. Настей называли, в основном незнакомые люди, родные и друзья звали Стасей, а этот дикарь сразу перешёл к оскорблениям. Я слышала, что он ещё кое-что добавил, правда, тише, но не менее эмоционально, и уж точно это не прозвучало приличнее.

– Я всё равно тебя найду! – выкрикнул он через минуту. – И ноги тебе выдерну, идиотка!

Я проскребла ногтями по жёсткой коре, не думая о том, что маникюру моему пришёл конец. А по поводу услышанного подумала, из последних сил набравшись злорадства: «Сначала найди. Идиот».

Он был совсем рядом, я слышала его голос, треск веток, шум, который он производил, обследуя заросли кустарника. Осторожно выглянула из-за дерева, и решила, что дальше ждать нельзя. Сделала пару осторожных шагов, хотела нырнуть за ель, но не успела, Гриша меня заметил, и мне ничего не оставалось, как кинуться прочь, как зайцу. Он ругнулся, громко и грязно, и побежал за мной, но я не оглядывалась. Неслась вперёд, не замечая того, что колючие ветки хлещут меня по лицу и плечам, перескакивала через коряги, падала и опять вставала. Я даже зарыдала от бессилия и страха. Меня догоняли, и это был ужас, кошмарный сон,

который мучает иногда каждого человека. Ты убегаешь, а тебя догоняют, догоняют, твои преследователи всё ближе, и тебе не скрыться. Ты понимаешь, что тебе не скрыться.

– Да стой ты, дура!

Его голос показался мне издевательским, я перелезла через поваленное дерево с обезьяней ловкостью, рукой вляпалась в какую-то гниль, взвыла от отвращения, упала на землю, решив затаиться ненадолго, но не удержалась и покатила вниз по склону. Хорошо хоть катиться было недалеко, поднялась на ноги, снова побежала, оглядываясь на ходу, а потом остановилась, как вкопанная. Посмотрела на свои ноги, потом вперёд... по сторонам. Я стояла по щиколотку в грязной жиже, а вокруг... вокруг топь. И конца-края ей не видно. Даже деревья вокруг жиденькие и кривые. Крупная чёрная ворона пролетела над моей головой, села на кочку и грозно каркнула. Я сделала шаг назад, под ногами противно хлюпало. Я сделала ещё шаг назад, испугавшись, что меня может засосать. Я в кино видела, как люди в болоте тонут, не хотелось бы удостоиться подобной участи. Даже похищение в этом случае предпочтительней. Или нет?

Я обернулась и увидела Гришку. Он стоял на возвышении и смотрел на меня, уперев руки в бока. Даже запыхавшимся не выглядел.

– Иди сюда, – позвал он, и тон был весьма нелюбезный.

Я выждала ещё минуту, Гриша меня не торопил. Смотрел на меня сверху, видимо, заинтересовавшись, какое решение я приму: вернуться к нему или сгинуть в болоте. Что ж, я малодушна. Я потихоньку назад пятилась, пятилась, следом опустила голову, расстроенная своей неудачей и предчувствуя расплату, и, в конце концов, направилась к нему. Правда, чтобы взобраться на пригорок, пришлось постараться, я некоторое время смешно барахталась среди грязного песка, сухого мха и сосновых иголок, ревела, размазывая слёзы по щекам грязной ладонью, влезла на корень сосны, и уже с него меня наверх выдернула твёрдая мужская рука. Гриша схватил меня за шиворот кофты и вытащил, как репку с грядки. С лёгким отвращением обозрел мою грязную одежду, поднял глаза к лицу, а когда я хотела ему объяснить, хотя бы попытаться разжалобить, он меня ударил. По лицу, правда, ладонью, а не кулаком, но достаточно сильно, я даже упала. В глазах потемнело, в ушах зазвенело, я задохнулась, ткнулась носом в мох, и заревела навзрыд. В тот момент я пожалела, что вернулась к нему. Я была настолько измотана, не было сил не то что встать, даже голову поднять. Я только рыдала, и ждала, что меня продолжат избивать. Но ничего не происходило, я ревела, минуты шли, и наконец Гриша сказал:

– Куда ты помчалась, дура? Думала, тут через сто метров федеральная трасса? Тут кругом болото.

– Я хочу домой.

– Да? К маникюршам, кухаркам и маленьким собачкам?

Последние силы меня оставили, и теперь я даже рыдать не могла. Повалилась на бок, подтянула ноги к животу и зажмурилась, чувствуя, как солнечные лучи, проникающие сквозь кроны сосен над моей головой, греют мою щеку. Сердце стучало тяжело и неспешно, что было даже странно. Видно, тоже устало.

– К мужу, – прошептала я.

– К мужу, – повторил за мной мужской голос издевательски. – Который платит маникюршам и кухаркам. – Гриша вдруг хохотнул. – Не люблю красивых баб, бесполезные вы создания. С вами только спать приятно. На всё остальное вы не годитесь.

Я глаза открыла, но на него не посмотрела, глядела прямо перед собой. Все чувства, в том числе и осторожность, атрофировались, и поэтому я проговорила совершенно безразлично:

– Можно подумать, у тебя были красивые.

Он помолчал, потом резко поднялся на ноги. И потребовал:

– Вставай, идти надо. И не думай, что я тебя потащу. Сама бежала, сама и обратно шагай.

Я встала, куда деваться? Хотя, казалось, что сделаю два шага и кулем на землю свалюсь. Машинально переставляла ноги, ощущая свинцовую тяжесть во всём теле. Чувствовала себя грязной, ноги холодили сырые носки, а руки покрывали тёмные разводы. Да и волосы... Я вытащила из волос жухлый берёзовый лист и бросила его на землю.

– Ещё раз так сделаешь, я тебя в этом болоте утоплю. Поняла?

Я молчала, но когда он остановился и повернулся, пробуравил меня взглядом, коротко кивнула.

Оказалось, что убежала я далеко. Или мне так показалось, потому что обратно к домику я с трудом ползла? Лесу, казалось, конца-края нет. Гриша же шёл, вроде бы прогуливаясь, и на меня больше не смотрел. И поэтому я так сильно удивилась, когда он спросил:

– Так что там с твоим мужем?

– А что с ним?

– Любишь, говоришь?

Я, признаться, насторожилась.

– Люблю.

– Конечно. Что не любить-то богатого и красивого, да?

– Я не за это его люблю.

– Серьёзно? – Он, не скрываясь, ухмыльнулся. – А за что? За доброту и порядочность? – Гриша откровенно расхохотался, а я устремила в его затылок ненавидящий взгляд.

– Да! Да! Мой муж замечательный человек! Не вам, негодяям, чета! Он людей не похищает!

– Ты это точно знаешь? – Он издевался, и даже не пытался этого скрыть.

– Я знаю это точно, – отчеканила я. – Серёжа честный, добрый... Его все уважают!

– Ага. И любят.

– И любят, – подтвердила я. – Он самый замечательный муж! – горячась, заявила я.

Это Гришу заинтересовало, он кинул на меня любопытный взгляд. Глумливо усмехнулся.

– Прямо-таки?

Я разозлилась ещё сильнее, вспыхнула и даже неожиданно переполнилась энергией и обогнала его.

– Ты просто завидуешь ему. Вы все завидуете! Потому что у вас ничего не получается! И вы пытаетесь забрать то, что принадлежит ему. Вы воруете, похищаете и врётё.

Григорий приподнял одну бровь, наблюдая за тем, как я горячусь.

– Я завидую?

– А разве нет? Вот скажи, зачем тебе всё это нужно? Зачем-то ведь ты ввязался в это дело? Ты в курсе, что нарушаешь закон? Ты хочешь денег! – Я презрительно фыркнула, забыв о том, что для выражения презрения я несколько не в форме. – Его денег. И я тебя злю, потому что я его люблю, такого удачливого и делового. А вот ты сидишь в этом лесу, как суч, никому не нужный, и злишься, бесишься и завидуешь...

Я кричала ему в лицо, выплёскивая свой гнев и ненависть, и не успела заметить, как он выбросил руку вперёд, схватил меня за горло, и сдавил его. Я глаза вытаращила в испуге, хотела крикнуть, но вышел хрип, колени подогнулись, и я начала оседать, неотрывно глядя в пустые глаза своего убийцы. Он просто сжимал моё горло, и, кажется, с любопытством наблюдал за тем, как я ловлю ртом воздух. Огромная ручища обхватила мою шею вокруг, что даже удивительно, в глазах у меня начало темнеть, но хватка не была особенно крепкой, дышала я без проблем, а в обморок сама посоветовала себе грохнуться, чтобы прекратить, наконец, свои мучения.

– Как ты сказала? Я завидую, потому что ты его любишь? Деточка, а ты не думала, что мне ничего не стоит, заставить тебя полюбить меня? Без всяких денег? Сама на коленях приползёшь и просить будешь.

– Нет...

– Будешь, – заверил он. – А потом я верну тебя мужу, вот и проверим, как сильна его любовь. Такая чистая и искренняя.

Он руку разжал, и я свалилась ему под ноги. Не задыхалась и больно мне не было, но страх упорно пробирался по позвоночнику вверх, холодя. Вот я дура. Нашла, что этому типу в лицо орать.

До дома мы дошли в полном молчании. Я даже не нашла в себе сил внутрь войти, села на скамейку, привалилась спиной к нагретой солнцем стене и закрыла глаза. Слышала тяжёлые шаги рядом, потом Гриша потряс меня за плечо. Я глаза открыла, не зная, сколько времени прошло, я, кажется, задремала.

– Иди в баню, – проворчал он, а я, признаться, не сразу поняла, о чём это он. Потом всё-таки поднялась, прошла за ним к распахнутой двери. В помещении пахло сыростью, в стене лишь одно крохотное окошко, через которое проникал свет, но его было явно недостаточно, и я часто заморгала, пытаясь в полумраке разглядеть обстановку. На тёмной деревянной лавке стояло два ведра с водой, от одного из которых шёл пар, рядом ковш, мочалка и кусок мыла. На крючок, рядом с дверью, Гриша повесил полотенце.

– Раздевайся, – поторопил он меня. – Ещё раз я греть воду не буду.

Я кивнула, но не пошевелилась. Голову повернула, осторожно покосившись на него. Гриша стоял, прислонясь плечом к дверному косяку, руки на груди сложил, и глядел на меня с нескрываемым любопытством.

– Раздевайся, – повторил он.

– Выйди, – попросила я.

– Это приказ или просьба?

– Я не буду при тебе!..

– Хочешь, грязной остаться? Ну, давай. Но спать будешь на полу.

Я сопела от обиды и бессилия, подняла, ставшие невероятно тяжёлыми, руки, и растегнула молнию на кофте. Это было самое простое. А вот дальше... Крепко зажмурилась, и решила: чёрт с тобой. Что б ты подавился, гад.

Он вышел, когда я бросила на пол футболку. Я даже не ожидала такого. Обернулась, не веря тому, что у него совести хватило уйти. Выдохнула с облегчением, и, решив поторопиться, разделась до нага, и начала мыться. Изю всех сил тёрла себя мочалкой, мылила волосы, опрокидывала на себя воду, ковш за ковшом, и напевала под нос какую-то дурацкую песенку, лишь бы не заорать в голос. Закончив, завернулась в полотенце, принялась стирать одежду. И не сразу поняла, что за слово повторяю раз за разом: болото, болото, кругом болото.

Не сбежать.

Как мне отсюда сбежать?!

Так как выбора у меня особого не было, из бани я вышла в одном полотенце. Слава Богу, оно было достаточно большим, и надёжно прикрывало и грудь и бёдра. Поэтому я, не забыв гордо вскинуть голову, решительно прошла мимо крыльца к бельевым верёвкам, которые были натянуты рядом с сараем, и принялась развешивать бельё. Знала, что Гришка сидит на ступеньках, курит и наблюдает за мной. Мысленно посылала на его голову все мыслимые проклятия, подумала даже ведро в него бросить, в котором мокрую одежду принесла, но сдержалась, поставила его рядом с ним на ступеньки и ушла в дом. Пришлось ноги снова мыть, но с этим я справилась быстро, успела до того, как Гришка в дом вошёл. Я к тому моменту уже сидела на диване, натянув одеяло до подбородка, и принципиально на своего мучителя не смотрела. Он же сел в любимое продавленное кресло, вытянул ноги и уставился на меня.

Говорить ничего не собирался, я уже выучила некоторые его привычки, глаза на меня тарасил, а думал... чёрт знает, о чём он думал в этот момент, но я почему-то была уверена, что

не обо мне. Так прошло полчаса, у меня затекла спина, а мысли стали совсем уж печальными, и я, в конце концов, легла, повернулась к нему спиной, и сама не заметила, как уснула.

– Долго мы будем есть эту лапшу? – поинтересовалась я за завтраком. Вилкой в тарелке крутила и страдала. Не из-за лапши, конечно, а из-за вчерашнего неудавшегося побега.

– Готовь сама, – посоветовал мне Гриша, вполне равнодушно. Сам он лапшу ел и отсутствием аппетита не страдал.

– А есть из чего?

– Ну... – Он плечом дёрнул, а я разозлилась.

– Ты просто невыносим.

Вот тут он заинтересовался. Взглянул на меня и брови вздёрнул.

– Я смотрю, ты освоилась? Разговорчивая стала?

Я обиделась и даже рискнула губы надуть.

– Совсем не обязательно постоянно пугать меня погребом.

– А я и не пугаю, – усмехнулся Гриша. – Ты сама всё запомнила, и себя пугаешь. Я ведь посажу.

– Не сомневаюсь.

– И правильно делаешь.

Я отодвинула от себя тарелку, а на Гришу взглянула серьёзно.

– Долго я ещё здесь пробуду?

– Это мне неизвестно.

– Серёжа уже давно бы заплатил!

– Ты в этом уверена?

– Да.

– Ну, может, от него не денег требуют?

– А чего? – насторожилась я.

– Понятия не имею. Я человек маленький, сижу в этой глуши и тебя сторожу. И подробностей знать не хочу. Как говорится, меньше знаешь, дольше живёшь.

– Замечательное наблюдение.

– Я тоже так думаю.

Я руки на столе сложила, смотрела в тарелку, и думала. Потом кинула на Гришу осторожный взгляд исподлобья.

– И что? Они много тебе платят?

Он захохотал, из-за стола поднялся и забрал свою пустую тарелку.

– Чувствую, ты созрела для того, чтобы предложить мне больше.

– А почему нет? – оживилась я. Он из комнаты вышел, я его взглядом проводила, а от нетерпения даже на стуле подпрыгнула. – У меня есть деньги! – громко проговорила я, чтобы он с кухни отчётливо расслышал.

– Я не сомневаюсь.

– У меня есть деньги, – повторила я, – я тебе их отдам. – Произнести слово «заплату» я не решилась. – Если ты... если ты отвезёшь меня в город.

Гриша появился в комнате, плечом к стене привалился, а на меня воззрился с издёвкой. Разглядывал, прищуривался, как кот, я даже покраснела под его взглядом, и почувствовала, как нервозный жар распространяется по моему телу. Сердце заколотилось, и я представила, какое облегчение испытаю, если он согласится. Лишь бы согласился, лишь бы согласился...

– Ты всерьёз думаешь, что я буду башкой ради тебя рисковать? Ты мне кто?

Я занервничала сильнее.

– Почему ради меня? Ради денег. Тебе ведь нужны деньги?

Он подумал, даже губы трубочкой сложил.

– Нужны.
– Вот видишь!
– Ничего я не вижу. Деньги – это, конечно, хорошо, но умирать за них как-то неохота.
– Почему умирать? – разозлилась я на его бестолковость. – Ты уедешь из этой лачуги, начнёшь новую жизнь!..
– Не уверен, что мне нужна новая жизнь.
Я уставилась на него в бешенстве.
– Так ты хочешь вот здесь и дальше... – Я в бессилие развела руками.
Гриша губы поджал, а на меня взглянул с неудовольствием и раздражением.
– Короче, сядь и заткнись.
Я опустила на стул, расстроено вздохнула.
– Конечно, я заткнусь, – пробормотала я едва слышно, когда он из комнаты вышел. – Будто у меня выбор есть.

Не зная, чем себя занять, я переместилась к окну, села, подперев подбородок ладонью, и стала наблюдать, как Гриша рубит дрова. Памятуя о вчерашнем инциденте, сегодня он делал это за домом, чтобы не позволить мне вновь просунуться через окно и сбежать. Двери были надёжно заперты, а с этой стороны дома он меня караулил. Тоска. На меня Гриша внимания вроде бы и не обращал, хотя я была уверена, что взгляд мой чувствовал, но он его нисколько не нервировал. Я даже обозвала его мысленно носорогом толстокожим.

– Так и просидит в этой глуши полжизни, – пробормотала я себе под нос, всё ещё не находя в себе сил успокоиться и избавиться от разочарования после его отказа помочь мне. «А другие полжизни в доме для престарелых!».

Гриша меж тем ловко и достаточно усердно орудовал топором, куча поленьев рядом с ним росла, а он время от времени останавливался, вытирал пот со лба, а затем и вовсе снял майку и бросил её на кособокую скамейку неподалёку. Признаться, я на секунду рот приоткрыла, разглядывая его. Закралось смутное беспокойство, понимание того, что меня за нос водят. Не буду говорить, что я сильно впечатлилась видом широкой мужской груди, и уж точно никакого томления, просто... как-то не верилось, что подобного рельефа и внушительности можно добиться только периодической рубкой дров. Тут явственно видится серьёзная работа над собой. Рот я, конечно, закрыла, и почувствовала к Грише ещё более стойкую неприязнь. Лицемер и интриган.

Гриша снова лоб вытер, плечи расправил и оглянулся.

– Ты долго будешь меня разглядывать?
– Я тебя не разглядываю, – пренебрежительно фыркнула я. – Просто мне скучно.
– Ясно.
– А ты? – не утерпела я. – Силовые тренажёры? – Я пыталась быть язвительной и проницательной. Но Гришка, конечно же, всё испортил. Головой покачал и выдал противную ухмылку.
– Нужно было чем-то в тюрьме заниматься. Я сжала зубы, ощутив оскомину.
– Ты сидел?
– Конечно. Ты же в этом не сомневалась?

Я отвернулась от него. Час от часу не легче. До этого момента он был для меня просто бандитом, а теперь ещё и уголовник. Хотя, я подозревала это, но когда знаешь наверняка, становится ещё более беспокойно.

– А за что ты сидел? – спросила я вечером. Молчать уже было невозможно, на душе день ото дня всё тоскливее, да ещё Гриша рядом, молчаливый и загадочный.

– Я тебя предупреждал по поводу вопросов?
– Эти вопросы тебе же на пользу. Есть шанс запугать меня окончательно.
Он хмыкнул.

– Может быть, может быть... – Он ответил отстранённо, я присмотрелась к нему, и поняла, что Гриша о чём-то напряжённо размышляет, а я ему, по всей видимости, мешаю. Но это он так думает, что мешаю, а я ведь помочь могу, подтолкнуть к верному решению.

– Деньги в банке, там два миллиона рублей. Уверена, что они предложили тебе куда меньше.

Он в кресло сел, ноги закинул на табуретку, а на меня взглянул весело, но опять же без особой заинтересованности.

– И откуда у тебя такие деньги? Муж настолько тебе доверяет?

Я облизала сухие губы.

– Это деньги для моей мамы и отчима, я как раз собиралась их им передать. На строительство дома.

– И ты готова отдать мне два миллиона?

– Да, – без всякого колебания ответила я. И посмотрела с надеждой. Убила бы себя за этот взгляд.

– Лишь бы оказаться дома, рядом с любимым?

– Да. Ведь у Серёжи не выкуп просят, я права? А что-то другое, более... серьёзное. – От нервозности я комкала угол одеяла, а на Григория смотрела затравленно. – А если они не договорятся? Меня убьют? – Я вздохнула в сторонку. – Ты же и убьёшь.

Он брови вздёрнул и хохотнул.

– Какие выводы ты, оказывается, сделала.

– А чем ещё мне заниматься?! Только выводы делать. Я с ума скоро сойду! – искренне пожаловалась я.

– Если я сидел, значит, убийца?

– А что, скажешь, что тебя обвинили ошибочно? – мой голос был полон сарказма.

– Не поверишь?

– Нет, конечно. Все так говорят.

– А ты многих уголовников знаешь?

Я примолкла, размышляя, стоит ли продолжать уговаривать, а точнее давить на него. Вдруг переборщу, а потом он на меня надавит, и у него это, явно, получится куда лучше.

Гриша разглядывал меня с любопытством. Я под его взглядом окончательно разнервничалась, и чтобы занять себя чем-то, принялась волосы в косу заплетать, упорно уклонялась от его взгляда. То, как он вальяжно развалился в кресле и поглядывает на меня с неким умыслом, мне очень не нравилось.

– Два миллиона говоришь, – повторил он с ленцой.

Я встрепенулась, взглянула на него распахнутыми в надежде глазами, и поторопилась кивнуть.

– Это неплохие деньги. Но их нужно снять со счёта...

– Они в банковской ячейке.

– Хорошо, что в ячейке. Это проще.

– Конечно, – затараторила я. – Мы просто придём туда, я их заберу...

– А ключ?

– В маминой квартире, – обрадовалась я ещё больше. – Я его специально для мамы оставила. Нужен только ключ и знать код. Я знаю.

Гриша ухмыльнулся, наблюдая за тем, как я горячусь.

– Я смотрю, ты всё продумала.

Я не повелась на его уловку, и серьёзно спросила:

– Ты отвезёшь меня в город?

– Я подумаю.

– Господи, ну о чём тут можно думать?!

– Есть о чём, поверь мне.

Я косу за спину откинула, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Ты хочешь больше? – догадалась я.

Он пакостно улыбнулся.

– Думаю, да.

У меня вырвался раздражённый вздох.

– Это просто немыслимо. – Я перевела на него внимательный взгляд. – И сколько? Думаю, Серёжа не будет спорить...

– Давай не будем вмешивать сюда твоего Серёжу.

– У меня больше нет, только то, что в ячейке, – начала я, потом поняла, что Гриша чересчур внимательно разглядывает меня, и миг покрылась липким потом. – Ты ведь не думаешь, что я...

– Что ты что? – развеселился этот негодяй.

Я инстинктивно вжалась в стену.

– Я предлагаю тебе хорошие деньги, – дрожащим от страха и негодования одновременно голосом, проговорила я. – И ты... Это просто свинство, пугать меня!

– А я тебя пугаю?

– Да!

– Жаль, – с чувством произнёс он. – А то могли бы договориться.

Я краснеть начала. Отвернулась, и поняла, что вот-вот заплачу.

– Ты не имеешь права...

– Ещё скажи, что не посмею, – веселился он. Я с трудом слотнула. А когда Гриша с кресла поднялся, взглянула едва ли не с ужасом. А вот он посматривал с интересом. Перед диваном остановился, а выражение лица стало сожалеющим.

– Понимаешь ли, девочка, в чём дело. Деньги это конечно хорошо, а уж когда они миллионами исчисляются, то и подавно. Но они всё равно не стоят того, чтобы башку за них сложить. И ты, если честно, этого не стоишь. Я работаю на довольно серьёзных людей, и что они с твоим муженьком делят, я не знаю, никогда не узнаю, да и не хочу знать. И поэтому пока я не вижу серьёзной причины переходить им дорогу и путать их планы. Но пять лет отсидки – это круто, и как ты недавно сказала, у меня никогда не было столь красивой бабы, как ты. Утверждение, конечно, спорное, но раз уж я твоему мужу завидую, – в этом месте он презрительно хохотнул, – то хотелось бы на чём-то отыграться. Так почему не с твоей помощью? Получу деньги, получу моральное удовлетворение вдобавок к удовольствию, верну тебя любимому, а сам смогаюсь. Вот такой расклад.

Я упёрлась взглядом в одну точку, зубы стучали, и мне кажется, Гриша эту дробь прекрасно слышал. Меня колотило, когда я обдумывала его слова. Не хотела обдумывать, но каждое его слово меня жаром окатывало, было нестерпимо стыдно, словно это уже случилось, и я Серёжке изменила. Одна мысль об этом приводила в ужас, я понимала, что никогда не смогу решиться, умру раньше, а пристальный взгляд своего похитителя терпела с превеликим трудом.

– Нет, – в конце концов произнесла я.

– Что так? – глумливо поинтересовался Гриша. – Любовь к мужу пересилила любовь к свободе?

– Если хочешь знать, то да!

– Очень за тебя рад.

– Это большие деньги, – попробовала я вразумить его, но куда там. Гришка только руками развёл.

– Я же не спорю. Но мне к ним нужно ещё кое-что. А так, как я не насильник всё-таки, я подожду, пока ты созреешь.

– Долго ждать придётся, – озлобилась я.

Он широко улыбнулся.

– Так разве мы куда-то торопимся? – Он швырнул мне одеяло. – Ложись спать.

Ночью мне, конечно же, не спалось. Я смотрела в потолок, невольно прислушивалась к мужскому дыханию, и думала о том, отчего же мне так везёт. Нарваться мало того, что на придурка и уголовника, так ещё и на злопамятного сукиного сына. Вчера я кричала ему в лицо про зависть, пытаясь его задеть, и, кажется, справилась с этим вполне успешно. Задела, и он это неприятное чувство запомнил, и теперь решил на мне отыграться. Но это же просто смешно. Не может же он всерьёз полагать, что я решусь на подобное... Как он вчера сказал? «Сама приползёшь, на коленях». А если он решит превратить моё и без того плачевное существование в кошмар? Не думаю, что ему на это потребуется много усилий и фантазии. Сунет меня в погреб с утреца, крышку закроет, так я и взвою уже через час в полной темноте, сырости, а возможно там и крысы водятся, так что к вечеру... к вечеру на всё соглашусь. Так, лучше об этом не думать. Я подышала глубоко, и, пытаясь успокоиться, принялась перебирать в уме тяжёлые предметы, находящиеся в комнате. Вот так бы встать, взять табуретку, и пока этот мерзавец спит, стукнуть его по башке... Неужели смогла бы? Хотя, говорят, что в экстремальных ситуациях человек на многое способен, даже на убийство.

На следующий день к нам пожаловали гости, двое мужчин, которых я в вечер похищения здесь видела. Пашки с ними не было, что навело меня на мысль, что из города он всё-таки отбыл, с моим колье в кармане, и если парень он не совсем глупый, то вряд ли сюда вернётся. А эти двое появились неожиданно, я услышала шум подъезжающей машины, кинулась к окну, чувствуя, как забилося сердце – то ли от надежды, то ли от страха предстоящего. Что принесёт с собой их визит? Меня отпустят или наоборот... Я зажмурилась, вцепилась в край стола и принялась молиться. Не знаю уж, была ли это полноценная молитва или просто набор слов, я просто очень истово пожелала, чтобы всё это наконец закончилось. Закончилось прямо сегодня, меня вернули мужу, и я никогда, никогда больше не увидела Гришу. Я бы очень постаралась забыть о случившемся, его лицо и всё то, что он мне говорил.

За дверью зашумели, голоса были вполне миролюбивыми и бодрыми, что я списала на хорошие новости, для своих похитителей, естественно. Значит, они получили желаемое, и меня всё-таки отпустят?

Засов на двери поднялся, и я поспешила вернуться на диван. Забилась в угол, а на Смурного, который в комнату заглянул, взглянула настороженно.

– Тебе ещё не осточертело здесь, Гриш?

– Лучше чем на зоне.

– Это точно. – Смурной облокотился на дверь, а мне подмигнул. – Как ты тут, красавица?

Я молчала, не рискуя подать голос. Дверь пошире распахнулась, и заглянул Гриша. Тоже на меня посмотрел, будто давно не видел.

– Достала меня, – заявил он дружку. – Больно капризная.

– А ты как хотел? Муженёк то, небось, балует, не устаёт. – Мне снова подмигнули. – Да, дорогая? – Повернулся к Грише. – Чего болтает?

– Да ничего. Одни бабские глупости на уме.

– Ну и чёрт с ней. – Дверь закрылась, засов опустился, и я смогла выдохнуть. А из-за стены услышала:

– Пожрать привезли?

– Привезли. И выпить привезли.

Я прикрыла глаза, чувствуя полную беспомощность. Еда, выпивка – значит, я остаюсь здесь. Ещё на неопределённый срок. Я сползла по стеночке и рухнула на подушку. Уткнулась в неё лицом и тихонечко заревела.

Остаток дня я провела в одиночестве. За стенкой слышались весёлые, уже нетрезвые голоса, мужчины смеялись, что-то обсуждая, а я волновалась из-за того, во что их пьянка может вылиться для меня. Гриша в комнату зашёл пару раз – в туалет меня отвёл да обед принёс (слава богу, не лапшу, а жареной картошки с тушёной и салат из овощей), я поела с удовольствием, и стала ждать, когда этот день, наконец, закончится, и гости уедут. Их присутствие беспокоило. Но уезжать они не собирались. За окном стемнело, а голоса на кухне звучали деловито, хотя тише и серьезнее. Не знаю, что они там обсуждали, я, как ни прислушивалась, понять не смогла. В конце концов, выключила свет и решила лечь спать. Не могу я и дальше сидеть, с тревогой прислушиваться и ждать, что им на ум придёт. От сегодняшнего ожидания я устала хуже, чем за всю последнюю неделю. Думала, что не усну, но измотанная нервозностью, неожиданно для самой себя отключилась. А проснулась, когда почувствовала рядом с собой кого-то. Встрепенулась, резко села и едва не заорала, когда поняла, что это мужчина. Хотела уже начать отбиваться, но услышала Гришин голос, который бесцеремонно цыкнул на меня:

– Тише, не ори. Это я.

Я хоть и выдохнула, но логике его удивилась. Если это он, то мне нужно спокойно воспринять то, что он ко мне в постель лезет?

– Убирайся вон, – зашипела я, а этот негодяй толкнул меня обратно на подушки. – Ложись и спи. Нужна ты мне... – Голос его был не совсем твёрд, от Гриши тянуло водкой, да так сильно, что я брезгливо поморщилась. Он устроился рядом со мной, вытянулся в полный рост и вздохнул устало. Я подумала немного, потом пихнула его в бок.

– Убирайся на свой спальный мешок.

– А он занят. – Голову повернул и посмотрел на меня в темноте. – Ты дура? В доме два пьяных незнакомых мужика. Хочешь одна спать? Ну, рискни. Только потом не вой.

Я поёжилась. Обхватила горло рукой, снова на Гришку посмотрела, точнее, окинула взглядом его громоздкое тело, которое заняло почти весь диван, оставив мне местечко у самой стенки.

– Вот только тронь меня, – грозно шепнула я ему.

Он не ответил, что-то буркнул себе под нос, нечленораздельное, и перевернулся на бок, ко мне спиной. Это меня более чем устроило. Я осторожно легла, устроившись за широкой мужской спиной, и что самое парадоксальное, почувствовала себя куда спокойнее, чем час назад, укладываясь спать одна. И пусть от Гришки несёт водкой, он нелюбезный пакостник, к тому же, наверняка, будет храпеть, но те двое, совершенно чужих, пугали меня куда больше. Проснулась я, испугавшись собственно неосознанного движения. Я потянулась рукой к мужскому телу рядом, и к счастью, тут же в ужасе распахнула глаза. Обрадовалась, когда поняла, что Гриши рядом со мной уже нет. В комнате светло, душно, а через открытую дверь слышатся мужские голоса. Кажется, гости собрались уезжать. Послышались шаги, и я поторопилась лечь и натянуть на себя одеяло, прикидываясь спящей. В дверях кто-то возник, уставился на меня, а после я услышала негромкий недовольный голос.

– Гриш, надо что-то решать. Нельзя держать её здесь вечно.

– Решим. Ты своим делом занимайся.

Я услышала странный смешок.

– А я что делаю? Если так дальше пойдёт, мне звание Народного артиста светит.

– Светит, да? – съязвил Григорий. – Смотри, как бы это звание тебе в глаз не засветило. Или в лоб.

– Что ж я, дурак совсем? Как сказано, так и делаю. Наше дело маленькое, сам понимаешь.

– Хватит трепаться. Особенно, при ней.

– Она спит.

– Ага. Спит, – проговорил Гриша таким тоном, будто подозревал меня во всех смертных грехах.

Дверь закрыли, я перевела дыхание, после чего перевернулась на спину, откинув одеяло, в комнате было очень душно.

Когда мой стражник в комнату вернулся, я так и лежала, мрачно разглядывая потолок. Он увидел, что я не сплю, и усмехнулся.

– И тебе с добрым утром.

– Почему я здесь?

– Тебе популярно объяснить?

– Да.

– Поляку эти вопросы будешь задавать. Где он прокололся, что ты столько времени просидела в этой дыре. Чего ты лежишь? Посуды полная раковина. Вставай и за работу.

– Гриш, меня ведь отпустят?

– А кому ты нужна?

Я посмотрела на него.

– Ты сегодня особенно вредный. Похмелье?

– Мне сдёрнуть тебя с кровати или к тебе присоединиться? Я могу, не смотря на похмелье.

С кровати я поторопилась подняться. Одеяло на ней расправила, а сама на Гришку с подозрением косилась, побаиваясь того, что он решит претворить свою угрозу в жизнь.

Посуду я помыла, не спеша, чувствуя странную свободу действий. Одна была в кухне, дверь на улицу распахнута настежь, а за мной вроде никто и не следит. По окончании работы сделала себе бутерброд и налила чаю, а затем, немного посомневавшись, рискнула выйти на крыльцо, присела на ступеньку. Гриша, вооружившись молотком, ремонтировал покосившуюся ограду. Теперь я уже не сомневалась, что он в этом доме гость, и жить в лесу дольше, чем это необходимо, не собирается. Но проявлял уважение, и даже мелким ремонтом занимался. Меня на крыльце он, наверняка, заметил, но вида не подал. Я тоже делала вид, что до него мне дела мало, и я наслаждаюсь погожим деньком. Могу я хоть чем-то наслаждаться, даже если жизнь в последнее время не радует? Отвернувшись от него, стала смотреть на дорогу. Хотя это и дорогой то назвать нельзя было, так, направление. Направление к свободе. Интересно, как далеко мы от города? Жаль, что я была без сознания, когда меня сюда везли, иначе имела бы хоть какое-то представление. Но если принять во внимание, что вокруг болото, тишина, и за прошедшую неделю ни один человек даже по случайности рядом с нами не оказался, от цивилизации мы далеко. И «гости» наши приезжали на солидного вида внедорожнике... Как Гриша сказал: «Вокруг болото».

– Неужели есть люди, которые добровольно могут здесь жить?

Гриша молотком стучать перестал, облокотился на ограду, а посмотрев на меня, пожал плечами.

– Некоторым до чёртиков надоедает городская жизнь.

Я обвела взглядом более чем скромный двор нашей избушки, потом на лес посмотрела.

– Настолько?

– Ну, не все любят деньги так, как ты.

– И как ты, – отозвалась я, правда, не особо усердствовала, так, повредничать решила.

А Гриша усмехнулся.

– Если бы я любил деньги, детка, я бы их взял и был счастлив. А мне для счастья нужно ещё плотское удовлетворение.

– Я только позавтракала, – предупредила я его. Он, не скрываясь, рассмеялся над моей безразличностью.

– Не нравлюсь я тебе?

Я отвечать не стала, гордо отвернулась, но его это только распалило. Он молоток отложил и направился ко мне, я с настороженностью наблюдала за его приближением.

– И чем же твой муж лучше меня? Или я рожей не вышел?

– Почему ты думаешь, что если я люблю мужа, то это из-за денег? Я его с детства любила.

– Да ты что?

– Да, – я серьёзно кивнула. – Он был нашим соседом. То есть, не он, а его мать. Серёжа тогда уже не жил с ней. А потом мы начали общаться, и он позвал меня замуж. Я его всяким помню, понимаешь? Каким он был, когда денег и в помине не было. Он хороший человек.

Что-то такое на его лице отразилось, промелькнуло, что-то вроде недоверия, а потом Гриша задумчиво хмыкнул.

– И откуда же ты знаешь, что он хороший человек? Тебе так в детстве показалось?

Я со стуком поставила чашку на ступеньку, а на Гришу сверкнула глазами.

– Я никогда и ни от кого не слышала, чтобы о нём плохо отзывались. Мы почти три года вместе. Три, понимаешь? И ни разу за это время...

– Даже не знаю, порадоваться за тебя или пожалеть.

– Прекрати, – разозлилась я. – У тебя не получится заставить меня засомневаться в нём!

– Правда? А то, что ты сидишь здесь уже неделю, и никто не торопится тебя выкупать, тебя ни на какие мысли не наводит?

– Нет, – отрезала я. – Вы же уголовники, вам верить нельзя. Ещё неизвестно, что вы ему сказали!

– Ух ты. – Он присел на корточки и наблюдал за мной с нескрываемым любопытством.

Я же пылала гневом.

– Думаешь, я не понимаю, зачем ты это делаешь? Чтобы душонку свою похотливую порадовать! – Я вскочила, и теперь смотрела на него сверху вниз. – Я не буду с тобой спать, даже если мне придётся просидеть на этом дурацком болоте ещё год. Я уважать себя перестану!

– Так он же не узнает, Насть. Я уеду... с твоими деньгами. – Он издевался надо мной, и даже скрывать этого не собирался. Посмеивался и наслаждался тем, как я сжимаю кулаки и покрываюсь красными пятнами, слушая его. – Мы больше никогда не увидимся. Видишь, как здорово может всё получиться.

– Замолчи, – попросила я деревянным голосом.

– А что такое? Я тебя смущаю? – Он ухмыльнулся, выпрямился, а я торопливо отступила. – Ты говоришь, что любила его чуть ли не с детства. У тебя, вообще, кто-нибудь был кроме него? – Одна его бровь иронично приподнялась. – Так откуда ты можешь знать, что он лучший?

Решив воспользоваться моментом, пока не стало поздно, я вошла в домик и захлопнула входную дверь. Услышала смех, а когда Гриша в дом вошёл, я в комнату убежала.

– Да ладно тебе, – примирительно проговорил он. – Я шучу. – Я слышала, как он прошёл на кухню, взял алюминиевую чашку и зачерпнул колодезной воды из ведра. – И знаешь ли, совсем мне не завидно. В том смысле, что у Поляка такая жена. Красивая кукла, которую он одевает, украшает, а потом выставляет на всеобщее обозрение, типа, зацените, какой я крутой мужик, всё-то у меня есть. О таком подарке судьбы я никогда не мечтал.

– Это неправда.

– Неправда? Ну, конечно. Если бы ты была более умной, тебе бы хотелось чего-то добиться в этой жизни, самой. А ты только цапки носить умеешь, да мужу угождать.

Я бурно дышала, не на шутку обиженная его умозаключениями.

– Ты меня даже не знаешь! Как ты можешь такое говорить?

Он в комнату заглянул, рот тыльной стороной ладони вытер, а сам на меня поглядывал.

– А чего ты стоишь? Два миллиона, которые он тебе доверил? Или кабриолета, что он подарил? А может, того бриллиантового ошейника, что я с тебя снял? Красивая девочка, – начал он, вкрадчиво, только меня его тон не обманул, Гришин взгляд был полон презрения, – вовремя сориентировалась, навешала богатому мужику на уши лапшу о том, что с детства его

любила и ждала, только его, да? Не спала ни с кем, для него себя берегла, и в итоге проданась подороже. И всё продолжаешь строить из себя Белоснежку, из образа не выходишь. А что, это правильно, молодец. Шлюх у Поляка была армия, он такую на раз-два раскусит, как бы не притворялась, а вот ты свою роль играешь талантливо. За это и получаешь цапки, бабки и дорогие машинки. Ради этого стоило подольше в девственницу поиграть. Могу лишь поаплодировать.

Я сглотнула, понимая, что вот-вот разревусь, и пообещала:

– Всё равно сбегу. Понял? Пусть утону в этом болоте, но от тебя сбегу!

– Сбежишь? – Он противно усмехнулся. – Да беги. – Дверь на улицу пинком открыл и рукой указал мне на выход. – Иди! Сдохнешь в лесу, я тебя искать не пойду. Ну, на выход!

В этот момент я готова была его убить. Так хотелось броситься на него, вцепиться ногтями в его противную физиономию и прокричать ему, истекающему кровью, как же сильно я его ненавижу. Пролетела мимо него, выскочила на улицу, вспомнила, что обуви на мне так и нет, но это меня не остановило. Я решительно направилась в ту сторону, где были заметны зачатки дороги. Уехала же туда машина? Значит, и я пойду в том направлении! Я шла, чеканя шаг, каждую секунду ожидая, что Гришка кинется меня догонять, собьёт с ног, придавит к земле, а может и ударит, но ничего не происходило. Я прошла метров тридцать, не выдержала и оглянулась через плечо. Гриша даже на крыльцо не вышел. Сволочь. Какая же сволочь!

Я шла, без конца смахивая злые слёзы и давясь рыданиями. Завернула за заросли кустарника, увидела перед собой поляну и спешно пересекла её. Оказалась в лесу, сосны шумели над головой, а я неотрывно смотрела на землю, боясь потерять едва заметный след шин автомобиля. Прошла всего пара часов, как мои похитители уехали, и по их следу ещё можно было идти. Вот только я уже через полчаса исколола ноги о шишки и иголки, которые проникали сквозь тонкую ткань носков. Да и след шин потеряла, если честно, что приводило меня в отчаяние. Лес здесь был не слишком густой, и автомобиль, при желании, лавируя между деревьями, мог спокойно проехать, зная бы направление. Покружив немного и осмотрев территорию, я порядком утомилась и присела под деревом, привалившись спиной к стволу. Задрала голову, чтобы на небо посмотреть. В лесу было хорошо. Не жарко, светло, птички пели, а бабочки порхали. Даже цветочки глаз радовали. Но я знала доподлинно, что как только солнце начнёт клониться к закату, моё умиротворение сменится тревогой, а в темноте станет и вовсе жутко. А смогу ли я до темноты добраться до какого-нибудь населённого пункта, большой вопрос. Решив зря не рассиживаться, я поднялась и направилась прямо, но буквально минут через двадцать вышла к болоту. Чёрт. Возвращаться мне тоже показалось неразумным, поэтому я пошла вдоль топи, стараясь держаться сухого участка. Но это тоже долго не продлилось, пришлось идти в обратную сторону. Тут мне повезло больше, вода не наступала, и я, хоть и устала, но приободрилась. Старалась думать о хорошем, прикинула, и пришла к выводу, что прошло уже достаточно много времени, часа три точно, и пусть я поплутала немного по лесу из-за болота, но сейчас иду по сухой земле, значит всё не так плохо. Прошла я километра три-четыре точно, вот только лес ни разу не расступился. Правда, однажды я увидела пролесок, но он был по другую сторону болота, и от этого мне совсем не легче. Ещё через пару часов я выдохлась. Время от времени присаживалась на мох, чтобы отдышаться, и слушала, как у меня в животе от голода урчит. И вот тогда в первый раз задумалась о том, что теперь я и обратно, к лесному домику, дорогу не найду, остаётся надеяться только на удачу, что куда-нибудь я всё-таки выйду. Не тайга же, в конце концов!

Когда впереди заметила свободное от леса пространство, моей радости не было предела. Лес вот-вот закончится, а там уж и до человеческого жилья недалеко! Позабыв об усталости, я припустила вперёд, отмахиваясь от веток и перескакивая через корни деревьев. Выскочила из леса, огляделась и застонала в голос. Чуть в стороне была видна хорошо знакомая мне избушка, которая смотрелась весьма живописно, из трубы даже дымок вился, видимо, Гриша обед готовил. Я без сил опустилась на траву и немного поплакала, размазывая слёзы по щекам.

Ну что за наказание? Выждав немного, я направилась к домику. Глупо продолжать сидеть в ста метрах от забора и страдать от голода. Ничего я не высижу всё равно.

Заметив меня на крыльце, Гриша расхохотался.

– Нагулялась?

Я промолчала, угрюмо глянула и прошла в комнату. Этот гад пошёл за мной, с интересом наблюдая.

– Ну что?

– У них джип на воздушной подушке, что ли? Там везде болото!

– А я тебе говорил.

– Но они как-то проезжают! – злилась я.

– Как-то проезжают, – согласился он. – Есть хочешь?

Гордость советовала отказаться, но голод, как известно, не тетка. Я кивнула.

До вечера я с ним не разговаривала. А этот гад перешёл все границы и перестал запира́ть двери. Мол, беги, куда хочешь, всё равно никуда не денешься. Я знала, что не денусь, поэтому молча страдала. Устроилась в тенёчке на травке, потому что в доме из-за духоты находиться было невозможно, и закрыла глаза, не желая возвращаться к действительности. Гриша меня не трогал, и мы молчали, и это молчание было совсем не в тягость. Даже за ужином словом не перемолвились. Я хотела снова выйти на улицу, чтобы не находиться с ним наедине, но к ночи погода начала стремительно портиться, а вдалеке даже гром слышался. Я поёжилась на прохладном ветру и вернулась в дом. Гроза набирала силу, гремело всё страшнее и начало сверкать. Свет мы выключили и легли спать. Я лежала на животе, таращась в окно, за которым свирепствовала самая настоящая буря. Ветер завывал, гром гремел, казалось, без перерыва, и даже не гремел, а рокотал, протяжно и тревожно, а молния каждые полминуты освещала темные, гнущиеся под порывом ветра, сосны. После особенно ужасающего треска, который, как мне показалось, ни больше ни меньше, а расколол небо пополам, я не сдержалась и про-бормотала:

– Боже мой... – Накрылась одеялом с головой и сильно зажмурилась.

Грозы я всегда боялась, не смотря на то, что и родители, и Сережка говорили про заземление, про то, что в современных домах никакой опасности удара молнией не существует, но я не думала об опасности, я боялось того, как гремит гром и угрожающе сверкает молния. А переживать грозу в маленьком домике посреди леса мне и вовсе раньше не приходилось. Вот тут я уже вспомнила и про заземление, которого точно нет. Рядом, конечно, лес, но дом-то стоит на полянке, и кто знает, чем всё это закончится. А уж молния больно ярко и часто сверкает, я такого не припомню. Я нос из-под одеяла высунула, потому что нечем стало дышать, голову с дивана свесила и посмотрела на Гришу, который спал на полу, посапывал во сне, и ни о какой грозе не беспокоился. Я даже хныкнула от обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.